

Она не помнит.
Они не говорят.
Но кто-то
помнит всё.

Кэтрин Эвил

То, что я забыла

Ту ночь
я не помню.
Но она
помнит
меня...

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кэтрин Эвил

То, что я забыла

<https://litres.ru/73909251>

SelfPub; 2026

Аннотация

Айла Вейр не помнит, что произошло в ту ночь.

И не помнит подругу, с которой исчезла хотя сама каким-то образом вернулась.

Теперь жизнь Айлы это попытка собрать себя заново из обрывков чужих слов, странных взглядов и ощущений, которые возникают слишком точно, чтобы быть случайными. Она чувствует: что-то важное ускользает, стоит только попытаться приблизиться к воспоминаниям.

Кайрас Блэквуд знает больше, чем говорит.

Он держится рядом и одновременно на расстоянии, будто уже однажды потерял её и не собирается допустить этого снова.

Есть еще Zero, тот кто понимает её с полуслова и всегда поддерживает с момента, как они познакомились в сети.

А потом раздаётся звонок.

Голос на другом конце не представляется.

Но он знает слишком много.

Знает то, что Айла не может вспомнить.

Теперь Айле придётся узнать правду о той ночи, о пропавшей подруге и о себе самой.

Но чем ближе она подбирается к ответам, тем очевиднее становится одно:

тот, кто наблюдает за ней, был рядом с самого начала.

Содержание

Глава 1. Пустота в памяти.	5
Глава 2. Кто ты?	14
Глава 3. Друг или враг?	26
Глава 4. Флэшбэк прошлого.	41
Глава 5. Осколки ясности.	59
Глава 6. Почему?	72
Глава 7. Часть того, что было.	86
Глава 8. Шорох в тени.	100
Глава 9. Чужое сердце.	110
Глава 10. То, что осталось недосказанным.	122
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Кэтрин Эвил

То, что я забыла

Глава 1. Пустота в памяти.

Наше время.

Я всегда любила море. Его запах — солоноватый, свежий, с лёгкой горчинкой водорослей — будто очищал лёгкие от всего лишнего. Ветер, пахнувший морем, приятно охлаждал кожу, а мерный рокот волн убаюкивал, заставлял закрыть глаза и свернуться клубочком, словно в детстве.

Но что-то изменилось.

Теперь при одной мысли о воде внутри всё сжимается. Я избегаю прогулок у воды, обхожу стороной фотографии с пляжами, даже в кино замираю, когда на экране появляется берег. А если где-то рядом капает вода — будь то кран, дождь или даже стакан, случайно оставленный на столе, — я тут же закрываю уши руками, зажимаюсь и жду, пока этот звук не исчезнет. Он раздражает, пугает, вызывает приступ необъяснимой тревоги, будто за ним скрывается что-то страшное.

Около недели назад меня выписали из больницы. Мама

встречает меня с натянутой улыбкой, обнимает так крепко, что становится трудно дышать, и шепчет: «Всё позади, милая, всё позади». Но когда я пытаюсь спросить, что со мной случилось, её лицо сразу меняется. Взгляд становится жёстким, голос — холодным: «Не нужно ничего спрашивать. Просто забудь. Всё уже в прошлом».

Первые несколько дней после выписки тело ужасно ломило, будто меня пропустили через мясорубку. На ногах и в области живота — синяки. Тёмные, багровые, уже начавшие желтеть по краям. Я пыталась найти объяснение: может, упала? Попала в аварию? Но почему тогда память исчезла?

Я помню маму — её руки, голос, запах лавандового мыла, которым она всегда пользуется. Помню комнату, в которой выросла, книжные полки, скрипучую ступеньку на лестнице. Но остальных Я словно не узнаю их. Учителя в школе, соседи, даже старые друзья — их лица кажутся чужими, будто я вижу их впервые.

Пару раз в больнице я замечала, что за мной наблюдает парень моего возраста. Он стоял в конце коридора, прислонившись к стене, и смотрел. Не так, как другие — с любопытством или жалостью. Его взгляд был другим: внимательным, напряжённым, будто он пытался что-то во мне разглядеть. Когда я оборачивалась, он тут же отводил глаза, делал вид, что просто ждёт врача или кого-то из персонала. Но я чувствовала — он приходил не случайно. И каждый раз, когда наши взгляды всё-таки встречались, внутри что-то ёкало,

будто я должна его знать. Но память молчала.

Я закрываю окно — с улицы доносится отдалённый гул, напоминающий шум прибоя. Внутри снова поднимается волна тревоги. Что со мной произошло? И почему море, которое я так любила, теперь кажется мне таким пугающим?

Я беру в руки ноутбук — его поверхность чуть тёплая от недавнего использования — и открываю крышку. Экран загорается мягким светом, прогоняя полумрак комнаты. Пальцы привычно пробегают по клавиатуре: логин, пароль, вход в мессенджер.

Всего несколько секунд загрузки — и вот он, диалог с анонимом по нику «Zero». Он словно ждал, когда я выйду в сеть: сообщение появляется мгновенно, будто повисает в воздухе ещё до того, как я успеваю нажать «отправить».

Zero: Как прошёл день?

Я замираю на мгновение. В груди что-то ёкает — то ли от облегчения, то ли от странного предчувствия. Его внимание всегда такое точное, такое своевременное. Будто он знает, когда мне особенно нужна поддержка.

Айла: Нормально. Но тревожность от звука воды никуда не исчезает

Нажимаю «отправить» и откидываюсь на спинку стула. Смотрю на экран, жду ответа. И он приходит почти сразу — без задержек, без долгих пауз.

Zero: Я понимаю. Пройдёт время, и оно исчезнет. Ты не одна.

Я перечитываю сообщение несколько раз. «Ты не одна». Эти слова будто обволакивают меня теплом. Но следом приходит другая мысль — колючая, тревожная.

Что я чувствую к нему?

С одной стороны, его понимание пугает. Как он так точно угадывает моё состояние? Почему его ответы всегда попадают в самую точку, будто он видит меня насквозь? Иногда мне кажется, что он не просто читает мои сообщения — он наблюдает. Следит. Знает, когда я нервничаю, когда молчу дольше обычного, когда задерживаю дыхание перед тем, как напечатать очередную фразу.

Это настораживает. По коже бегут мурашки, и я невольно оглядываюсь на дверь, словно кто-то может стоять за ней и подсматривать.

Но с другой стороны

С другой стороны, это так приятно — знать, что есть кто-то, кто понимает. Кто не задаёт лишних вопросов, не давит, не пытается «исправить» меня. Кто просто слышит.

Я смотрю на мигающий курсор в поле ввода, колеблясь. Хочется сказать, что-то важное, что-то настоящее. Но слова не находятся. Вместо этого я печатаю:

Айла: Спасибо, что ты есть.

Ответ приходит почти мгновенно — так быстро, что кажется, он ждал этих слов:

Zero: Всегда буду рядом. Обещаю.

Экран гаснет — собеседник вышел из сети. Я закрываю

ноутбук, но его слова всё ещё звучат у меня в голове.

«Всегда буду рядом».

В груди смешиваются противоречивые чувства: благодарность, страх, надежда. Кто он на самом деле? И почему мне кажется, что я уже слышала этот тон — мягкий, уверенный, заботливый — где-то раньше?

Где-то в глубине памяти что-то шевелится, будто пытаюсь пробиться наружу. Но я не могу ухватить это ощущение. Оно ускользает, оставляя после себя лишь лёгкую тоску и странное чувство дежавю.

Сквозь вихрь размышлений я услышала тихий стук в дверь.

— Можно? — донёсся приглушённый голос.

— Да,ходи, — откликнулась я.

В тот же миг мама переступила порог и осторожно присела на край моей кровати. Её движения были чуть замедленными, будто она боялась меня потревожить.

— Я почти закончила с ужином, так что, минут через десять можешь спускаться, — сказала она, протянула руку и ласково погладила меня по голове. Улыбка на её лице вышла вымученной, натянутой, словно она изо всех сил старалась казаться спокойной.

— Хорошо, — тихо ответила я. Пауза повисла между нами, густая и тяжёлая. Потом я всё таки решилась: — Мам?

— Да, милая? — Она встрепенулась, и я заметила, как её плечи невольно напряглись. Она снова застыла в ожидании

— будто заранее готовилась к какому-то непростому вопросу.

— А можно я переделаю свою комнату? — выпалила я. — Я совсем не помню, где что лежит, а если сама всё расставляю, то хотя бы буду знать, куда что положить. Так будет проще

— Конечно, милая, — мягко ответила мама. В её глазах мелькнуло облегчение, но следом за ним — тревога. — Только не переусердствуй, ладно? Ты ведь совсем недавно выписалась, и я не хочу, чтобы у тебя были какие-то осложнения. Береги себя.

Она встала с кровати, на мгновение задержалась у двери, бросила на меня ещё один заботливый взгляд и тихо вышла, оставив меня наедине с мыслями и новой надеждой на порядок — не только в комнате, но и внутри себя.

Я глубоко вздохнула, оглядела комнату и принялась за дело. Сначала отодвинула кровать — та скрипнула, будто протестуя против перемены. Под ней скопилась пыль, несколько забытых заколок и пара старых тетрадей.

Я присела на корточки и провела рукой по полу, нащупывая что-то ещё. Пальцы наткнулись на уголок плотной бумаги. Вытащив находку, я замерла.

Фотография.

На ней была я — улыбающаяся, с растрёпанными волосами, в лёгком голубом платье. Рядом — незнакомая девушка с короткими рыжими волосами и веснушками на носу. Она смеялась, прикрывая рот рукой. А между нами — парень,

стоявший спиной к объективу. Видны были только тёмные слегка кудрявые волосы и голубая рубашка.

Я присмотрелась внимательнее. Его поза. Он слегка согнулся, плечи подрагивали, одна рука была согнута так, будто он показывал какой-то смешной жест. По движениям можно было предугадать, что он корчил рожицы — именно в тот момент, когда щёлкнул затвор. От этой мысли я не смогла сдержать смех.

— Что же ты там такое вытворял? — прошептала я, разглядывая снимок.

Пальцы невольно погладили изображение. Кто эти люди? Когда было сделано фото? Почему я его спрятала под кроватью?

Я перевернула фотографию. На обратной стороне — ни даты, ни подписи, только едва заметная царапина.

Снова взглянула на парня. Что-то в его фигуре казалось до боли знакомым. Поза, изгиб руки. Где я могла его видеть? В больнице? Нет, там всё было иначе. Может, раньше? До того, что стёрло мою память?

Я поднесла снимок ближе к лицу, пытаюсь уловить какие-то детали, которые могли бы подсказать мне ответ. Голубая рубашка гармонировала с платьем девушки — может, это был какой-то праздник? Или просто случайный день, когда мы решили посмеяться и запечатлеть момент?

В голове зашевелились обрывки образов: запах солнцезащитного крема, смех, чьи-то руки, подбрасывающие меня в

воздух Но картинка не складывалась. Воспоминания ускользали, оставляя после себя лишь лёгкое покалывание в висках.

Я села на пол, прислонившись спиной к кровати, и ещё раз внимательно изучила фотографию. Незнакомая девушка выглядела так, будто мы были близкими подругами — её рука лежала на моём плече, она явно чувствовала себя со мной комфортно. А парень Почему он повернулся спиной? Сам так решил или это случайность?

Внезапно меня осенило: а что, если он специально встал так, чтобы не попасть в кадр? Чтобы остаться анонимным? Но зачем? И почему тогда я сохранила этот снимок?

Я поднялась, подошла к окну и вгляделась в фотографию при дневном свете. Детали стали чётче: лёгкая складка на рубашке парня, блик на волосах девушки, моя собственная тень на земле Всё выглядело таким настоящим, таким живым. И в то же время — совершенно чужим.

Положив снимок на подоконник, я оглядела комнату. Книги уже стояли на полках в новом порядке, вещи были разложены по ящикам, а стены казались светлее без старых постеров. Но теперь у меня появился новый ориентир — эта фотография.

Она стала первой ниточкой, первым реальным доказательством того, что у меня была жизнь до больницы, до страха перед морем, до тревожных звуков капающей воды. И пусть я пока не могла вспомнить этих людей, я знала: они

были частью моей истории. И, возможно, если я буду искать дальше, другие фрагменты тоже начнут складываться в единую картину.

Я аккуратно положила фотографию на стол — туда, где она будет всегда на виду. Затем вернулась к уборке, но теперь каждое движение давалось легче. Будто найденный снимок дал мне не только вопросы, но и надежду на ответы.

Глава 2. Кто ты?

Наше время.

Сегодня мне предстояло пойти в школу. Но как сделать шаг туда, где я никого не знаю? Дело было даже не в том, что я не могла вспомнить учебный материал, — меня пугало ощущение, будто я снова стану новенькой: без друзей, без ориентиров, без малейшего представления о том, куда идти и к кому обратиться.

Я всячески оттягивала момент выхода, но, надев джинсы и белую толстовку и собрав каштановые волосы в высокий хвост, вдруг осознала: бояться неизвестного бессмысленно. Если я хочу восстановить воспоминания, из-за которых потеряла память, нужно действовать так, как раньше, — жить в том же ритме, что и до случившегося.

Спускаясь вниз, я услышала, как мама разговаривает с кем-то по телефону. Она явно старалась не афишировать разговор — до меня долетали лишь обрывки фраз:

— Да... Помогите ей, — она запнулась и вздохнула. — Она не помнит... Да, спасибо.

Когда я вышла из-за угла кухни, мама тут же улыбнулась непринуждённо и сделала вид, будто ни с кем не говорила.

— Садись, милая, тосты готовы, кофе уже на столе, — она указала на стол, где аппетитно дымились тосты, политые мёдом.

Я кивнула и присела, но аппетита не было. Взяв кружку с кофе, я сделала небольшой глоток.

— Покушай обязательно, — настояла мама, пододвигая ко мне тарелку.

Уступая её заботе, я всё-таки взяла тост и откусила кусочек. Он оказался вкусным, но из-за тревоги перед первым днём в школе кусок буквально не лез в горло. Я боялась того, что может случиться, но в то же время отчаянно хотела узнать, какой была моя жизнь до потери памяти.

Я допила кофе, поставила кружку на стол и глубоко вздохнула.

— Мам, — начала я осторожно, — с кем ты только что говорила?

Мама замерла, её рука, гладившая край скатерти, на мгновение остановилась. Она посмотрела на меня — в глазах мелькнуло что-то, чего я не смогла распознать: то ли тревога, то ли решимость.

— С учительницей биологии, — ответила она слишком быстро. — Уточняла расписание на эту неделю.

Я кивнула, но внутри зародилось сомнение. Её голос дрогнул на последнем слове, а взгляд скользнул в сторону, будто она боялась встретиться со мной глазами.

— Понятно, — я отодвинула тарелку. — Тогда я пойду.

Не хочу опаздывать.

— Конечно, милая, — мама поспешно подошла ко мне и поправила воротник толстовки. — Всё будет хорошо, вот увидишь. Если что — звони сразу, ладно?

Я натянуто улыбнулась и кивнула.

На улице было прохладно — осень уже вступала в свои права. Листья шуршали под ногами, а ветер, пахнувший дождём, развеивал волосы. Я шла медленно, стараясь собраться с мыслями. Школа виднелась впереди — большое трёхэтажное здание с широкими окнами и ухоженной лужайкой перед входом. Всё казалось таким обычным, таким привычным но в то же время — чужим.

У ворот толпились ученики. Кто-то смеялся, кто-то листал учебники, кто-то переписывал домашнее задание. Они все знали друг друга, обменивались новостями, обнимались при встрече. А я стояла в стороне, чувствуя себя невидимой.

«Так, Айла, — мысленно приказала я себе. — Ты справишься. Просто найди кабинет и займи место где-нибудь в середине».

Я вошла в здание. Коридоры были заполнены шумом и движением. Голоса, шаги, хлопанье дверей — всё сливалось в один гул, от которого начинала болеть голова. Я достала из рюкзака расписание, которое мама распечатала утром, и попыталась сориентироваться.

Кабинет 307. Третий этаж.

С разглядыванием расписания я не заметила, как с кем-то

столкнулась плечом, а в следующий миг уже летела на пол. Учебники с глухим стуком разлетелись в разные стороны, а листок с расписанием, покружившись в воздухе, приземлился метрах в двух от меня.

— Блин, — прошипела я, привстав на локте. Локти неприятно заныли, отдавая резкой болью при каждом движении.

Я уже собиралась подняться, когда в поле зрения появились ботинки — тёмные, с аккуратно завязанными шнурками. Медленно подняла взгляд выше: джинсы, голубая рубашка И наконец — лицо.

Передо мной стоял парень с тёмными волосами, слегка выющимися на концах. Его голубые глаза сначала сверкнули искренним испугом, но уже через секунду выражение лица стало непринуждённым, почти расслабленным. Он окинул взглядом разбросанные учебники, потом снова посмотрел на меня — и протянул руку.

— Ты в порядке? — голос у него оказался низким, но мягким, с лёгкой ноткой беспокойства.

Я на мгновение замешкалась, оценивая ситуацию. Ладонь парня была открытой, взгляд — честным. В груди что-то дрогнуло: в его чертах было что-то до боли знакомое, будто я уже видела его сотни раз.

Решившись, я вложила свою ладонь в его. Он легко, но бережно помог мне подняться — настолько плавно, что боль в локтях почти не ощутилась.

— Да, вроде нормально, — ответила я, отряхивая джинсы.

— Просто не ожидала

— Извини, я тоже не заметил, — он слегка улыбнулся, и в уголке рта появилась едва заметная ямочка. — Я отвлёкся, искал расписание кабинета Иронично, да?

Я невольно рассмеялась, чувствуя, как напряжение уходит.

— Похоже, мы оба были слишком увлечены, — я кивнула на листок, всё ещё лежавший в отдалении. — Спасибо, что помог.

Парень проследил за моим взглядом, тут же бросился вперёд и поднял расписание. Вернувшись, он протянул его мне — аккуратно, двумя пальцами, будто это был какой-то ценный артефакт.

— Держи. Надеюсь, ничего не помялось.

Я развернула листок — всё на месте. Подняла глаза на парня и вдруг поймала себя на мысли: его улыбка, манера держаться, даже то, как он чуть склонил голову набок. Всё это будто пробуждало что-то глубоко внутри.

— Спасибо ещё раз, — повторила я уже тише. — Я Айла.

Он на секунду замер, словно обдумывая, а потом ответил:

— Кайрас. Рад познакомиться снова.

Последнее слово прозвучало едва слышно, почти шёпотом, но я его уловила. Внутри всё сжалось от смеси тревоги и любопытства. Что он имел в виду? И почему его лицо кажется мне таким знакомым?

Я хотела ему задать вопрос, но когда я снова подняла голову, парня не оказалось на месте.

Ошеломлённо огляделась по сторонам. Коридор бурлил: ученики спешили на уроки, перебрасывались шутками, листали конспекты, толкались у шкафчиков — но Кайраса нигде не было. Будто он не просто ушёл, а растворился в этой толпе за доли секунды.

«Как? — мысленно повторила я. — Он же только что стоял рядом»

Я подняла разбросанные учебники, аккуратно сложила их в рюкзак, разгладила помявшееся расписание. Пальцы слегка дрожали. Что это было? Почему он исчез так внезапно? И главное — что означали его слова: «Рад познакомиться снова»?

В груди нарастало странное ощущение: будто я стояла на пороге какого-то важного открытия, но дверь перед носом захлопнулась в последний момент.

Решив не заикливаться, я двинулась дальше по коридору, сверяясь с расписанием. Третий этаж, кабинет 307. Указатели на стенах помогали ориентироваться, но каждый встречный взгляд заставлял невольно вздрагивать — вдруг снова увижу эти голубые глаза, эту лёгкую улыбку?

У двери нужного кабинета уже толпилось несколько человек. Я остановилась чуть поодаль, стараясь собраться с духом. Кто там внутри? Будут ли они относиться ко мне как к новенькой? Вспомнят ли, что я здесь училась?

— Айла? — раздался вдруг голос сбоку.

Я обернулась. Передо мной стоял парень с короткими светло каштановыми волосами и в очках. Он смотрел внимательно, чуть склонив голову.

— Ты вернулась, — улыбнулся он. — Мы все переживали. Я Лиам. Мы в одном проекте по физике, помнишь?

Я напряглась, пытаюсь выудить из памяти хоть что-то. Имя «Лиам» отозвалось слабым эхом, но больше — ничего.

— Да, конечно, — кивнула я, надеясь, что голос звучит уверенно. — Просто пока всё немного путается.

— Ничего страшного, — он дружелюбно похлопал меня по плечу. — Если что — обращайся. Я помогу сориентироваться.

Мы вошли в класс вместе. Учительница, заметив меня, тепло улыбнулась:

— Айла! Очень рада, что ты снова с нами. Проходи, садись — она окинула взглядом ряды парт. — Давай вот сюда, у окна, рядом с Эваном. Он поможет тебе войти в ритм.

Я прошла к указанной парте. Положила рюкзак, достала тетрадь и ручку. Взгляд невольно метнулся к двери — вдруг Кайрас всё таки появится?

И в этот момент дверь скрипнула.

В кабинет вошёл он.

Кайрас остановился на пороге, на мгновение задержал взгляд на мне — в его глазах мелькнуло что-то такое, что я не смогла расшифровать: то ли облегчение, то ли тревога.

Потом он коротко кивнул, будто отвечая на немой вопрос, и прошёл к своей парте в среднем ряду. Сел, достал учебники и тетради, открыл дневник — всё так буднично, будто ничего между нами не произошло.

Моё сердце забилося чаще. Он знал, что я здесь. Он видел меня. И эта встреча явно не была случайной.

Я отвернулась к окну, пытаюсь унять волнение. Солнечный луч играл на поверхности парты, отбрасывая блики.

Лиам, сидевший через два ряда, подмигнул мне ободряюще. Эван, мой сосед по парте, вежливо улыбнулся:

— Если нужно что-то объяснить по программе — спрашивай. Мы поможем.

Я кивнула, чувствуя, как напряжение понемногу отпускает. Возможно, школа — это не ловушка забытого прошлого, а мост к нему. Каждый взгляд, каждое слово, каждая случайная встреча — всё это кусочки мозаики. И рано или поздно они сложатся в единую картину.

Звонок прозвенел резко, оборвав мои размышления. Учительница встала у доски, и урок начался. Но я всё ещё ловила краем глаза движения Кайраса — его профиль, наклон головы, то, как он записывал в тетрадь. Что-то во всём этом было важное. То, что я должна вспомнить.

Звонок прозвенел, разрывая тишину кабинета. Ученики зашевелились: заскрипели стулья, зашуршали тетради, слышались оживлённые голоса. Я медленно собрала вещи в рюкзак, всё ещё поглядывая в сторону Кайраса. Он переки-

нулся парой слов с соседом, закрыл учебник и поднялся из-за парты.

Я вышла в коридор, стараясь не терять его из виду. Толпа учеников заполняла пространство, и мне приходилось лавировать между ними, чтобы не отстать. Но стоило мне на секунду замешкаться у шкафчиков, как чья-то рука резко схватила меня за запястье и дёрнула в боковой проход — туда, где было меньше людей.

— Я скучал, — произнёс незнакомый парень, прижимая меня к стене. Его лицо оказалось слишком близко, а хватка на руке была крепкой, почти болезненной.

Я напряглась всем телом, сердце забилося чаще.

— Отпусти меня, — тихо, но твёрдо попросила я, пытаюсь высвободиться. — Пожалуйста.

Он лишь усмехнулся, не ослабляя хватки:

— Да ладно тебе, Айла. Мы же раньше неплохо ладили. Или ты всё забыла и теперь строишь из себя недотрогу?

Паника начала подступать к горлу. Я уже открыла рот, чтобы позвать на помощь, но в этот момент услышала шаги — быстрые, решительные.

Кайрас появился в проходе так внезапно, будто знал, что здесь что-то не так. Его взгляд метнулся ко мне, потом — к парню, державшему меня. Лицо Кайраса стало жёстким.

Не говоря ни слова, он шагнул вперёд и резко оттолкнул незнакомца в сторону. Тот отлетел на шаг, но быстро восстановил равновесие.

— Не трогай её, — холодно произнёс Кайрас. — Не видишь, ты её пугаешь?

Незнакомец хохотнул, оправил рубашку и прищурился:

— Тебе какое дело, Блэквуд? Раньше тебя это не волновало.

Кайрас сделал шаг вперёд, его голос стал ещё твёрже:

— Раньше — может, и не волновало. Но сейчас — волнуется. И если ты ещё раз подойдёшь к ней без её согласия, я позабочусь, чтобы ты пожалел.

Парень на мгновение замер, оценивая ситуацию. Потом снова усмехнулся, но уже менее уверенно:

— Ладно-ладно, — он поднял руки в примирительном жесте. — Я просто поздороваться хотел. Чего сразу кидаться?

Он бросил на меня последний взгляд — странный, будто смешанный из раздражения и чего-то ещё, чего я не смогла разобрать, — и развернулся, быстро уходя по коридору.

Я выдохнула, только сейчас осознав, что всё это время задерживала дыхание. Кайрас повернулся ко мне. Его выражение лица смягчилось.

— Ты в порядке? — спросил он, внимательно вглядываясь в моё лицо.

Я кивнула, всё ещё чувствуя дрожь в руках:

— Да... Спасибо. Кто это был?

Кайрас слегка нахмурился:

— Его зовут Дрейк. Вы с ним когда-то общались ближе, чем следовало. Но это было до того, как — он запнулся, буд-

то подбирая слова, — до того, что с тобой случилось. Видимо, он решил, что раз ты ничего не помнишь, можно вести себя так, будто ничего не изменилось.

Я опустила взгляд, переваривая услышанное. Значит, между мной и Дрейком что-то было. Что-то, о чём я не помнила, а он, похоже, не собирался это отпускать.

— Почему ты вмешался? — спросила я тихо. — Ты мог просто пройти мимо.

Кайрас чуть улыбнулся — на этот раз по настоящему, без напряжения:

— Потому что никто не должен заставлять тебя чувствовать себя некомфортно. И потому что — он сделал паузу, — я помню, какой ты была раньше. И знаю, что ты бы не позволила ему так с собой обращаться.

Я посмотрела ему в глаза — голубые, серьёзные, но при этом удивительно тёплые. В груди что-то дрогнуло. Возможно, он знал обо мне больше, чем я сама. И, кажется, был готов помочь вспомнить.

— Спасибо ещё раз, — сказала я искренне. — Правда.

Кайрас кивнул:

— Пойдём? Следующий урок через десять минут, а нам в противоположное крыло.

Я глубоко вздохнула, стараясь унять волнение, и пошла рядом с ним по коридору. Теперь я точно знала: Кайрас — не просто знакомый из прошлого. Он — одна из тех нитей, что помогут мне вернуться к самой себе.

Глава 3. Друг или враг?

Наше время.

Первый день в школе прошёл относительно спокойно — и если бы не помощь Кайраса, я, думаю, не справилась бы. Он ненавязчиво подсказывал, куда идти, напоминал расписание, пару раз перехватывал взгляды других учеников, будто заранее гасил возможные неловкие ситуации.

В конце дня, когда мы шли к выходу из школы, я в очередной раз поблагодарила его — искренне, от всего сердца: — Спасибо, Кайрас. Без тебя я бы точно потерялась сегодня.

Он тут же развернулся ко мне, и на мгновение в его глазах вспыхнула злость — но эта злость была направлена словно не на меня, а на самого себя.

— Перестань, не нужно меня каждый раз благодарить, — процедил он. — Любой бы это сделал, и ты прекрасно это знаешь.

Кайрас сделал шаг в сторону, собираясь уйти, но я уловила его тихие слова, почти шёпот:

— Я не тот, кого нужно благодарить.

Я замерла, чувствуя, как внутри всё сжалось от этих слов.

Что он имел в виду? Почему так резкоотреагировал?

— Кайрас, подожди, — я шагнула вперёд, преграждая ему путь. — Что ты говоришь? Конечно, ты заслуживаешь благодарности. Ты был рядом весь день, помогал мне, защитил от Дрейка

Он резко выдохнул, провёл рукой по тёмным кудрям и наконец посмотрел мне прямо в глаза. В его взгляде читалась борьба — будто он решал, говорить или нет.

— Дело не в том, что я сделал сегодня, — произнёс он наконец. — Дело в том, чего я *не*сделал раньше. Когда это было действительно важно.

Его голос дрогнул на последнем слове, и я почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— О чём ты? — тихо спросила я. — Что произошло до того, как я потеряла память?

Кайрас сжал кулаки, потом разжал их, будто пытаюсь взять себя в руки.

— Не важно, — бросил он коротко, резко развернулся и быстрым шагом скрылся за поворотом коридора.

Я осталась стоять на месте, уставившись в ту точку, откуда он только что исчез. Эхо его шагов ещё пару мгновений отдавалось в тишине, а потом смолкло совсем — будто его и не было.

Воздух вокруг вдруг показался тяжелее, гуще, чем раньше. Я невольно сжала пальцы в кулаки, чувствуя, как внутри разрастается странное, колющее ощущение — смесь рас-

терянности и лёгкой обиды. Почему он так резко ушёл? Что такого я сказала?

Вокруг привычно бурлила жизнь: смех переплетался с шелестом страниц, а негромкие приветствия растворялись в общем гуле. Для всех остальных ничего не изменилось — мир продолжал вращаться. А для меня он на мгновение замер.

Я медленно опустила взгляд на свои руки. Они слегка дрожали. Не от страха, а от какого-то непонятного волнения.

«Я не тот, кого нужно благодарить», — эхом прозвучали в голове его слова.

Что он имел в виду? Почему так болезненно отреагировал на простую благодарность? В его голосе была горечь — и она явно не имела отношения ко мне напрямую. Он боролся с чем-то внутри себя, и это «что-то» явно тяготило его давно.

Я подняла голову и посмотрела в ту сторону, куда ушёл Кайрас. Коридор был пуст — только пара учеников мелькнула вдалеке и скрылась за дверью кабинета.

Глубоко вздохнула, пытаюсь унять внутренний хаос. Может, он просто устал? Или у него свои проблемы, о которых я ничего не знаю? Но почему тогда он всё равно помогал мне? Если ему так тяжело — зачем тратить на меня время?

В кармане завибрировал телефон — коротко и резко, будто напоминание о важном. Я достала его, разблокировала экран и увидела новое сообщение от Zero:

Zero: Ты сегодня молодец. Вижу, день был непростым, но ты справилась.

Я замерла, глядя на эти строки. Откуда он знает? Следит? Или просто угадывает? Внутри шевельнулось странное чувство — то ли тревога, то ли благодарность.

Пальцы сами нажали на поле ввода.

Айла: Спасибо. Но всё не так просто.

Ответ пришёл почти мгновенно — будто он ждал моего сообщения.

Zero: Что ты имеешь в виду?

Я закусила губу, подбирая слова. Как объяснить то, что и сама до конца не понимала?

Айла: В школе есть один парень. Он разозлился на то, что я его поблагодарила И судя по всему, я знала его до того, как потеряла память.

Пауза затянулась. Экран погас, но я продолжала сжимать телефон в руке, будто от следующего сообщения зависело что-то важное.

Наконец экран снова засветился.

Zero: Это странно, да

Айла: Я просто не понимаю, что он хотел этим сказать. А ещё он добавил: «Я не тот, кого следует благодарить».

Я перечитала эту фразу ещё раз. В ней было что-то тревожное — намёк на вину? Предупреждение?

Zero: Дай ему время. Может, ему сложно принять тот факт, что у тебя пропала память. Или он боится, что ты вспомнишь что-то, чего не должна.

Сердце пропустило удар. Я уставилась на экран, перева-

ривая его слова. Что, если Zero прав? Что, если за этой грубостью скрывается что-то большее?

Я закрыла мессенджер и убрала телефон. Слова Zero, как всегда, принесли странное успокоение. Но в то же время они лишь усилили вопрос, который теперь пульсировал в висках.

Что же произошло между мной и Кайрасом до того, как я потеряла память? И почему он так отчаянно пытается искупить вину, которую я даже не могу вспомнить?

Подняв рюкзак с пола, я направилась к выходу из школы. Ветер, встретивший меня у дверей, пахнул прохладой и запахом приближающейся осени. Я вдохнула глубже и пошла вперёд — медленно, но уверенно.

Я шла по улице, машинально отмечая знакомые очертания домов и деревьев — будто мой организм помнил маршрут, даже когда сознание отказывалось. Листья шуршали под ногами, а в воздухе витал запах влажной земли: похоже, ночью прошёл дождь.

Мысли крутились вокруг слов Кайраса. *«Дело в том, чего я не сделал раньше. Когда это было действительно важно»*. Что же он упустил? Что произошло в тот день?

В голове всплыл обрывок воспоминания: ветер треплет мои волосы, солёные брызги летят в лицо, а Кайрас стоит рядом и что-то говорит — но голос заглушает шум волн. Я резко остановилась посреди тротуара, пытаясь ухватить этот образ, удержать его но он растаял, оставив после себя лишь лёгкое головокружение.

До дома оставалось несколько кварталов, когда я заметила тень, метнувшуюся за углом старого книжного магазина. Остановилась, вглядываясь. Пусто. Наверное, просто прохожий свернул на боковую улицу. Но что-то внутри подсказывало: за мной наблюдают.

Я ускорила шаг. Пальцы невольно сжали лямку рюкзака. *«Не накручивай себя, — приказала я себе. — Просто дойди до дома».*

У калитки я обернулась — улица была пустынна. Только ворона сидела на заборе, склонив голову набок, будто изучая меня. Я нервно усмехнулась: *«Да что со мной? Теперь уже птиц подозреваю?»*

Дверь дома открылась без скрипа — мама, как всегда, смазывала петли. В прихожей пахло лавандовым мылом и свежеиспечённым хлебом.

— Ты сегодня рано, — мама вышла из кухни, вытирая руки о фартук. Её улыбка была тёплой, но в глазах мелькнуло что-то настороженное. — Как прошёл день?

— Нормально, — я сняла кроссовки, стараясь говорить как можно непринуждённое. — Всё в порядке.

Она кивнула, но взгляд не отрывался от моего лица, будто пыталась прочесть что-то между строк.

— Обедать будешь? Я приготовила твой любимый пирог с яблоками.

— Да, спасибо, — я прошла на кухню, села за стол. Мама поставила передо мной тарелку, налила чаю. Движения

её были отточенными, привычными — но слишком аккуратными, будто она боялась сделать лишнее движение.

— Мам, — я подняла глаза, — А ты помнишь тот день, когда со мной что-то случилось?

Мама резко выпрямилась, её рука, протянувшаяся к чайнику, замерла в воздухе. Она медленно поставила чайник на стол и повернулась ко мне. Выражение её лица изменилось — лёгкая теплота исчезла, сменившись жёсткой настороженностью.

— Айла, — её голос прозвучал непривычно твёрдо, — я уже говорила тебе об этом не думать. Не нужно сейчас ворошить прошлое. Врачи сказали: воспоминания вернутся сами, когда организм будет готов.

Я невольно сжалась от резкости её тона.

— Прости, — тихо сказала я, опустив взгляд в тарелку. — Я просто пытаюсь понять. Вокруг меня столько всего происходит, люди что-то знают, а я — нет. Это как ходить в темноте и натекаться на углы.

Мама вздохнула, подошла ко мне и на мгновение положила руку на плечо. Её прикосновение было тёплым, но в нём чувствовалась напряжённость.

— Я понимаю, милая, — уже мягче произнесла она. — Правда понимаю. Но иногда лучшее, что мы можем сделать, — это дать времени сделать своё дело.

Я помолчала, подбирая слова.

— А Кайрас? — осторожно спросила я. — Что ты о нём

знаешь? Мы были друзьями?

Мама на секунду замерла, будто взвешивая каждое слово. Она отошла к окну, посмотрела на улицу, потом снова повернулась ко мне.

— Да, вы были друзьями, — сказала она. — Он часто приходил к нам, помогал тебе с уроками, вы гуляли вместе. Но иногда, — она сделала паузу, — иногда мне казалось, что для него ты была больше чем просто подруга.

Моё сердце ёкнуло.

— Больше чем подруга? — переспросила я. — В каком смысле?

Мама слегка пожала плечами:

— Это всего лишь моё предположение. Он смотрел на тебя по особенному. Когда ты смеялась, он улыбался шире всех. Когда ты расстраивалась, он менялся в лице, будто ему самому было больно. И в тот день — она запнулась, — он нашел тебя. Сразу бросился к тебе. Он не отходил от тебя в больнице, пока тебя не перевели в общую палату.

Я переваривала услышанное. Значит, он нашел меня. И потом не отходил.

— Почему же он тогда так странно себя ведёт? — вслух подумала я. — Сегодня он сказал, что не заслуживает благодарности, что сделал что-то не так раньше. Будто винит себя в том, что произошло.

Мама подошла ближе, села напротив и взяла меня за руки.

— Потому что он добрый мальчик, Айла. Потому что он

близко к сердцу принимает всё, что с тобой связано. И потому что, возможно, он чувствует ответственность — даже там, где её нет.

Я посмотрела ей в глаза:

— Ты думаешь, он влюблён в меня?

Мама чуть улынулась — грустно и одновременно тепло:

— Я не могу сказать наверняка. Но если это так, то он очень старается это скрыть. Особенно теперь, когда ты ничего не помнишь. Ему, должно быть, нелегко.

Я почувствовала, как в груди сжалось сердце. Я вдруг отчётливо поняла: Кайрас не просто помогает мне из чувства долга или дружбы. За его поступками стоит что-то большее — и это «что-то» причиняет ему боль.

— Мне нужно с ним поговорить, — сказала я твёрдо.

Мама сжала мои руки:

— Будь осторожна, милая. И будь добра. Ему и так непросто.

Я кивнула. В голове уже складывался план: завтра я найду Кайраса и попрошу его рассказать всё — без утайки, без попыток защитить меня от правды. Я должна знать. Должна вспомнить. И, возможно, только так мы оба сможем двигаться дальше.

Ночью мне снился странный сон.

Мы с Кайрасом стояли на берегу — песок под ногами был тёплым, а море переливалось всеми оттенками синего под лучами заходящего солнца. Он повернулся ко мне, и я уви-

дела в его глазах какую-то глубокую, затаённую грусть. Ветер развеивал его тёмные кудри, а на губах дрожала полуулыбка — будто он хотел сказать что-то важное, но не решался.

— Айла — начал он, протягивая руку.

Я почувствовала, как его пальцы коснулись моих — тёплые, чуть шершавые. В этот момент внутри что-то дрогнуло, будто я была на пороге какого-то откровения. Я хотела ответить, но слова застряли в горле.

А потом вдруг — резкий, пронзительный крик. Женский вопль, полный ужаса и боли, разорвал тишину. Я вздрогнула всем телом, сердце заколотилось как сумасшедшее. Кайрас резко обернулся на звук, его лицо исказилось от тревоги, он сделал шаг в сторону

Я проснулась в холодном поту, тяжело дыша.

Комнату заливал бледный утренний свет, шторы слегка колыхались от сквозняка. Я села на кровати, прижимая руку к груди — сердце всё ещё бешено колотилось. Сон казался таким реальным. Будто я действительно была там, на том пляже, и что-то вот-вот должно было произойти.

Но одно я знала точно: мне нужно увидеть Кайраса. Сегодня. Прямо сейчас.

Быстро приняв душ и переодевшись, я схватила рюкзак и выбежала из дома. Дорога до школы казалась длиннее обычного — каждый шаг отдавался в голове эхом слов Кайраса: *«Дело не в том, что я сделал сегодня. Дело в том, чего я не сделал раньше. Когда это было действительно важно».*

У школьных ворот я замерла, высматривая его среди толпы. Где он? Почему его нет?

Я почувствовала едва уловимое прикосновение к плечу и, когда обернулась, наткнулась на голубые пронзительные глаза Кайраса. Его взгляд на мгновение задержался на моём лице, а потом скользнул куда-то в сторону.

— Привет, — произнёс он. Улыбка тронула губы, но до глаз так и не добралась — в них читалась настороженность.

— Привет, мне нужно с тобой поговорить, — проговорила я в торопях. Недавний бег давал о себе знать: дыхание сбивалось, в груди покалывало, а ладони слегка вспотели от волнения.

Кайрас чуть напрягся, плечи его невольно приподнялись, будто он готовился к удару.

— Да? И о чём же? — в голосе прозвучала настороженность, почти тревога.

Я сделала глубокий вдох, пытаясь собраться с мыслями.

— Мне приснился сон, — начала я, внимательно следя за его реакцией. — Будто мы с тобой были возле моря. Ты повернулся ко мне, хотел что-то сказать. Но я не расслышала. В этот момент раздался крик, и я проснулась. Что это было? Что ты хотел мне сказать тогда, у моря?

Кайрас прищурился, словно от яркого солнца, и отвёл взгляд в сторону — будто и не со мной говорил вовсе. Его пальцы непроизвольно сжались в кулаки, потом разжались. Я заметила, как на шее дёрнулся кадык — он сглотнул.

— Странный сон, — произнёс он наконец, голос звучал ровно, слишком ровно. — Так о чём ты хотела поговорить? О сне?

Его реакция только укрепила мои подозрения. Он явно что-то скрывал.

— Да, о сне, — я шагнула ближе, не давая ему отстраниться. — Потому что он был слишком реальным. Я чувствовала ветер, слышала шум волн, видела твоё лицо И в твоих глазах была грусть. Ты хотел мне что-то важное сказать, но не успел. Или не решился?

Кайрас резко выдохнул и наконец посмотрел мне прямо в глаза. В его взгляде мелькнуло что-то — боль, сожаление, может быть, даже страх.

— Айла, — его голос прозвучал хрипло, — давай не будем об этом. Это просто сон. Ничего больше.

— Но ты же сам говорил, что не сделал чего-то важного тогда! — я не сдавалась. — Что это было, Кайрас? Что ты хотел сказать?

Он отступил на шаг, снова пряча взгляд.

— Я перегнул палку, — произнёс он жёстче, чем раньше. — Наговорил лишнего. Забудь. Ничего такого не было. Просто просто я волновался за тебя, вот и напридумывал себе всякого.

Я покачала головой. Его слова звучали неубедительно, словно заготовленная заранее отговорка.

— Ты лжёшь, — тихо сказала я. — Ты что-то скрываешь.

И это связано со мной, с тем днём у моря. Почему ты не можешь просто сказать правду?

Кайрас сжал губы в тонкую линию. На мгновение мне показалось, что он всё таки сломается, скажет правду — но он лишь покачал головой.

В груди защемило. Я смотрела на него — на этого парня, который ещё вчера казался таким открытым и заботливым, а сегодня стоял передо мной словно чужой.

Он отступил на шаг, словно отстраняясь не только физически, но и эмоционально.

— Айла, — его голос прозвучал жёстче, чем обычно, — послушай. То, что было до твоей амнезии это прошлое. Оно больше не имеет значения. Сейчас важно только то, что происходит сейчас. И сейчас я просто помогаю тебе адаптироваться. Не ищи здесь скрытого смысла.

Его слова ударили, будто пощёчина. Я отступила, чувствуя, как теплеют глаза.

— То есть всё, что было вчера твоя помощь, защита от Дрейка, эти намёки — просто обязанность? Ты делаешь это из чувства долга?

Кайрас на мгновение замер, будто мои слова задели что-то внутри него. Но тут же его лицо снова стало непроницаемым.

— Скажем так, — он провёл рукой по волосам, но этот жест уже не выглядел растерянным, а скорее нарочито небрежным, — я считаю, что так правильно. Ты моя одноклассница, с тобой случилась беда. Любой бы поступил так

же.

— Любой, — повторила я тихо, чувствуя, как внутри разрастается пустота. — Значит, ты ничем не отличаешься от остальных?

Он не ответил. Просто стоял и смотрел куда-то поверх моего плеча, будто искал повод уйти.

— Знаешь что? — я расправила плечи, стараясь не показать, как больно мне от его слов. — Тогда спасибо за помощь. Больше не утруждай себя. Я разберусь сама.

Развернувшись, я сделала шаг прочь, но его голос остановил меня:

— Айла

Я обернулась. На долю секунды в его глазах промелькнуло — боль, сожаление, может быть, даже страх. Но он тут же взял себя в руки.

— Будь осторожна, ладно? — произнёс он уже мягче, но всё ещё держа дистанцию. — Просто береги себя.

Я молча кивнула и пошла прочь. Внутри всё кипело: почему он так резко изменился? Что заставило его отгородиться? И главное — что же такого произошло в тот день у моря, если даже воспоминание об этом заставляет его вести себя так холодно?

Оглянувшись через плечо, я увидела, что Кайрас всё ещё стоит глядя мне вслед. Но когда наши взгляды встретились, он тут же отвернулся и зашагал в противоположную сторону — быстро, почти спеша, будто убегая от чего-то. От меня?

Или от себя?

Глава 4. Флэшбэк прошлого.

Наше время.

Прошла ровно неделя с нашего последнего разговора с Кайрасом. За это время я не раз ловила на себе его взгляд — короткий, почти неуловимый. Он старательно делал вид, что меня не существует, но иногда я буквально *чувствовала* его внимание кожей: словно невидимая нить протянулась между нами. Стоило мне повернуться — он тут же отводил глаза, будто ничего и не было.

Если мы в прошлом были друзьями, то почему он так себя ведёт? Разве друзья не должны поддерживать друг друга в таких ситуациях? В груди неприятно щемило от этой мысли.

Одно радовало: Zero по прежнему был на связи. Его редкие, но удивительно точные советы помогали справляться с ночными кошмарами — бессмысленными, вязкими, словно липкий туман. В них всё чаще появлялось одно и то же место: тёмное, сырое, с эхом капающей воды по кафелю и глухим лязгом цепей. Я просыпалась в холодном поту, пытаюсь ухватить ускользающую нить сюжета, но он рассыпался, как песок сквозь пальцы.

Однажды в голову закралась абсурдная мысль: а что, если

Кайрас тогда, на том пляже, признался мне в любви, а я отвергла его чувства? Я тут же отогнала её — слишком нелепо. Но что-то в его поведении всё равно не давало покоя

Сегодняшний день тянулся, словно резина, — бесконечно медленно. Часы будто застыли, а стрелки ползли еле еле. Из-за того, что с утра я снова толком не поела, желудок недовольно заурчал. Решив перекусить, я направилась в школьную столовую.

Шум столовой накрыл меня волной: шёпот, гул голосов, звон тарелок и подносов. Я взяла сэндвич и стакан сока, стараясь не замечать косых взглядов, которые то и дело бросали в мою сторону. Но один взгляд я всё таки поймала — Дрейк. Он сидел в дальнем углу, облокотившись на стену, и смотрел прямо на меня. Его губы растянулись в той самой мерзкой ухмылке, от которой по спине пробежал неприятный холодок.

Не дожидаясь, пока кто-нибудь решит подойти и сказать что-то едкое, я поспешно отвернулась и направилась к выходу. В голове стучала одна мысль: «Только бы никто не оставил».

Выскользнув из столовой, я почти бегом добралась до женского туалета на втором этаже. Захлопнула дверь кабинки, задвинула щеколду и прислонилась к прохладной стене, пытаюсь выровнять дыхание. Здесь, в тишине, стало чуть легче. Я развернула сэндвич, сделала глоток сока — может, хоть еда поможет прийти в себя.

Но не успела я откусить, как услышала, как дверь тихо скрипнула. Затем — шаги, звук воды из крана, шорох одежды. В туалет зашли две девушки. Они остановились у зеркал, и я замерла, стараясь не издавать ни звука.

— Ты видела Кайраса сегодня? — раздался высокий голос одной из них. — Он такой красивый... И этот взгляд — такой загадочный, хмурый, но от этого ещё более привлекательный.

Вторая девушка вздохнула:

— Да, жаль только, что он влюблён в эту дуру Айлу.

У меня перехватило дыхание. Я вцепилась в сэндвич так, что пальцы побелели.

— Думаешь, правда влюблён? — спросила первая.

— А ты не видишь? Ходит мрачнее тучи, на всех рычит. И всё из-за неё! Притворяется, что ей отшибло память после случившегося. Все теперь ходят вокруг неё на цыпочках, боятся лишний раз слово сказать. А Кайрас так вообще будто тень свою потерял.

— Может, она просто играет? — предположила первая.
— Чтобы привлечь внимание?

— Не знаю, — фыркнула вторая. — Но мне это всё не нравится. Раньше он хоть с нами разговаривал, а теперь

Их голоса стали тише — видимо, они направились к выходу. Дверь щёлкнула, и в туалете снова повисла тишина.

Я стояла, не шевелясь, с наполовину надкушенным сэндвичем в руке. Слова девушек эхом отдавались в голове, сме-

шиваясь с воспоминаниями, которых у меня не было. *Из-за меня?*

Руки задрожали. Я медленно опустила на крышку унитаза, поставила стакан с соком на пол и закрыла лицо ладонями. Всё это было слишком. Слишком много вопросов, слишком мало ответов. И слишком больно осознавать, что Кайрас, возможно, страдает из-за меня — а я даже не помню, что между нами было. И было ли вообще.

Я сидела, застыв, с наполовину надкусанным сэндвичем в руке, а слова девушек эхом отдавались в голове: «*Влюблён? Из-за меня?*». В груди защемило так сильно, что стало трудно дышать.

Медленно отложила сэндвич на крышку бачка, я глубоко вздохнула. Пальцы всё ещё дрожали. *Кайрас влюблён в меня?* Эта мысль казалась одновременно невозможной и пугающе логичной. Его отстранённость, резкие реакции, тот взгляд, который я ловила на себе. Мама была права, предполагая, что я была для него больше, чем подруга.

Дверь туалета снова скрипнула — девушки уходили. Я дождалась, пока шаги затихнут в коридоре, и только тогда выдохнула. В зеркале над раковиной отразилось моё бледное лицо с широко раскрытыми глазами. Кто я сейчас? Жертва обстоятельств, которая ничего не помнит? Или причина всех этих проблем?

Вымыла руки ледяной водой, пытаюсь собраться с мыслями. Нужно было что-то делать, но что? Подойти к Кайрасу и

спросить напрямую? Но после его реакции на мою благодарность это казалось самоубийством. Написать Zero? Он всегда давал дельные советы, но в вопросах чувств Сможет ли он помочь разобраться в этом клубке?

Решив, что сейчас важнее всего сохранить самообладание, я поправила волосы, глубоко вдохнула и вышла из туалета.

Коридор был почти пуст —урок вот вот должен был начаться, и редкие ученики торопились к классам. Я направилась к своему кабинету, стараясь идти ровно и не оглядываться. Но каждый шаг давался с трудом, будто невидимая сила тянула меня назад — туда, где остались недосказанные слова, невыясненные отношения и тайна, которую мне предстояло разгадать.

Последний звонок, возвестивший об окончании уроков, прозвенел уже ближе к двум часам дня. Я решила не ждать школьный автобус и пройти пешком, чтобы проветрить голову. Дойдя до пешеходного перехода, я задумалась о том, почему Кайрас всякий раз оказывается рядом, но развить мысль не успела — загорелся зелёный.

Я не сразу поняла, в чём дело, когда почувствовала холодный пот, оцепенение тела и мурашки по всему телу. Эта мелодия Она звучала не снаружи — она *врезалась* в сознание, будто кто-то запустил её прямо в мозг.

Я схватилась за виски. В голове словно вонзались тысячи иголок, раскалывая череп изнутри. Звуки улицы — гул ма-

шин, голоса прохожих, скрип тормозов — всё смешалось в хаотичный шум, а мелодия оставалась единственной чёткой нотой в этом хаосе. Она пульсировала в такт сердцебиению, становилась то тише, то громче, будто дышала.

Остервенелым взглядом я оглядывала прохожих на пешеходном переходе. Они шли мимо, не замечая моего ужаса: кто-то смотрел в телефон, кто-то спешил с пакетами, кто-то смеялся с другом. А я не могла сдвинуться с места. Ноги будто приросли к асфальту, ладони вспотели, дыхание сбилось.

Когда звук достиг пика, в глазах появилась белая вспышка — ослепительная, режущая, как разряд молнии. Мир на мгновение исчез, растворившись в этом белом огне. А потом...

4 месяца назад

— Лин, выключи телефон, этот рингтон скоро мне в кошмарах сниться будет! — заныла я, пиная ближайший камень.

— Не завидуй, — усмехнулась она, сбрасывая звонок от Чарли, человека, с которым она познакомилась недавно.

— Я не завидую, было бы чему, — закатила я глаза, и тут же почувствовала, как в кармане джинсов завибрировал мой телефон.

Глянув на экран, я поняла, что это Кайрас, и, приняв вызов, приняла шутливый тон.

— Аллооо? — протянула я. — На связи Айла, самая ми-

лая и самая шикарная девушка на свете. Я вас слушаю?

— Самая милая и самая шикарная девушка на свете не забыла, что самый шикарный и гипер красивый должен к тебе прийти, чтобы помочь с вычислениями? — раздался в трубке знакомый насмешливый голос Кайраса.

— Ой, точно! — я хлопнула себя по лбу. — Прости, совсем вылетело из головы. Буду ждать!

Я отключилась и повернулась к Лин. Та стояла, скрестив руки на груди, и смотрела куда то в сторону. Её улыбка потускнела, а пальцы нервно теребили край футболки.

— Что? — я подняла бровь. — Ты чего?

— Да так, — она пожала плечами, но взгляд оставался отстранённым. — Просто вы с Кайрасом так легко общаетесь.

— Ну да, — я пожала плечами. — Мы же друзья. И он реально круто разбирается в математике. Без него я бы уже утонула в этих интегралах.

Лин кивнула, но промолчала. Я внимательно посмотрела на подругу. Что-то было не так.

— Слушай, — я осторожно тронула её за плечо. — А ты... ты что, ревнуешь?

Она вздрогнула, подняла на меня глаза — и в них промелькнуло что-то, что я не смогла сразу распознать.

— Ревную? — переспросила она с деланным смехом. — С чего бы?

— Ну — я замялась, подбирая слова. — Ты как то странно реагируешь. И раньше я замечала...

— Айла, — она резко оборвала меня. — Не выдумывай. Просто просто я рада, что у тебя есть такой друг. Вот и всё.

Но я то знала правду. Ещё пару месяцев назад я пыталась их свести. Лин явно симпатизировал Кайрас — её взгляд всегда теплел, когда он был рядом, она старалась выглядеть лучше, чаще шутила в его присутствии. Я решила помочь подруге и однажды, оставшись с Кайрасом наедине, осторожно завела разговор:

— Слушай, а тебе не кажется, что Лин очень классная? — начала я издалека. — Она добрая, весёлая, красивая

Кайрас замер, потом медленно поднял на меня глаза.

— Айла, — его голос прозвучал непривычно жёстко. — Лин — отличная девчонка. Но я к ней ничего такого не чувствую. Мне нравится другая.

Я опешила.

— Другая? Кто?

Он помолчал, потом вздохнул:

— Это неважно. Просто не надо нас сводить. Хорошо?

Я кивнула, чувствуя себя неловко.

После этого разговора Лин неделю не разговаривала с Кайрасом. Ходила мрачная, почти не шутила, избегала его взгляда. Я пыталась её поддержать, но она лишь отмахивалась: «Всё нормально, просто настроение плохое».

А потом, как то незаметно, всё вернулось на круги своя. Лин снова улыбалась Кайрасу, шутила с ним, хотя в её глазах иногда проскальзывала грусть. Она старалась отвлечься —

вот и познакомилась с Чарли. Для неё это был повод забыть безответную любовь, а для меня — лишний повод переживать за подругу.

И вот сейчас, глядя на её потухший взгляд после моего звонка с Кайрасом, я вдруг почувствовала укол вины.

— Лин, — я осторожно коснулась её руки. — Ты правда думаешь, что я не вижу?

Она вздохнула, отвела взгляд.

— Вижу, — продолжила я мягче. — И мне жаль, что так вышло. Но знаешь, что? Ты заслуживаешь того, кто будет смотреть на тебя так же, как Кайрас смотрит на ту, другую, кем бы она не была.

— На ту, другую, — горько повторила Лин. — Да, я знаю. Просто сложно это всё.

Я обняла её за плечи.

— Пойдём, — потянула я её за руку. — Кайрас подождёт. Сначала мы с тобой зайдём в кофейню, возьмём по гигантскому шоколадному маффину и поговорим.

Лин слабо улыбнулась.

— Ладно, — кивнула она. — Только маффин должен быть действительно гигантским.

Мы шли по улице, и тёплый осенний ветер играл прядями волос, развевая их в разные стороны. Лин уже почти пришла в себя — её улыбка стала шире, а в глазах снова заиграли искорки, а маффины были давно съедены.

— Знаешь, — тихо сказала она, когда мы свернули на на-

шу улицу, — спасибо, что не отступилась. И что не стала делать вид, будто ничего не происходит.

— Глупости, — я слегка толкнула её плечом. — Мы же подруги. А друзья для того и нужны, чтобы вытаскивать друг друга из ну, из всего этого.

Лин рассмеялась, и этот смех прозвучал так искренне и легко, что у меня на душе стало светлее.

Мы замедлили шаг, приближаясь к перекрёстку — отсюда уже виднелся мой дом: небольшое двухэтажное здание с красной черепичной крышей и увитой плющом террасой.

— Ну, я, пожалуй, пойду, — Лин остановилась и посмотрела на меня. — Мне ещё нужно забежать в магазин за продуктами.

— Точно не хочешь зайти? — я с надеждой заглянула ей в глаза. — Можем вместе позаниматься математикой с Кайрасом, потом заказать пиццу

Она покачала головой, мягко улыбнувшись:

— Спасибо, но сегодня лучше не стоит. Мне нужно немного времени для себя, понимаешь? Разложить всё по полочкам.

Я кивнула:

— Конечно. Ты знаешь, где меня найти, если что.

— Знаю, — Лин быстро обняла меня. — И ещё раз спасибо. За разговор. За то, что ты есть.

— Всегда пожалуйста, — я улыбнулась в ответ. — Береги себя.

Она махнула рукой на прощание и свернула на боковую улицу, помахав ещё раз через плечо. Я смотрела ей вслед, пока она не скрылась за поворотом, и только потом направилась к дому.

Подходя ближе, я замерла на полушаге.

На ступеньках, ведущих к входной двери, сидел Кайрас. Его голова была откинута назад, прислонившись к перилам, глаза закрыты, дыхание ровное. Он задремал в этой неудобной позе, с рюкзаком на коленях, который, кажется, вот вот соскользнёт на землю.

— Кайрас! — невольно вырвалось у меня.

Он вздрогнул, резко выпрямился, приоткрыл глаза и растерянно огляделся.

— Кто это? — его голос звучал хрипло после сна. — А, это ты...

Я подошла ближе, скрестив руки на груди.

— Ты что тут делаешь? И почему спишь на ступеньках? Совсем с ума сошёл? Простынешь же!

— Да я... — он провёл рукой по лицу, пытаюсь собраться с мыслями. — Я пришёл помочь с математикой, как договаривались. Ты не отвечала на звонки, я решил подождать. А потом сам не заметил, как задремал.

— И давно ты тут сидишь? — строго спросила я, но в груди что-то ёкнуло от этой картины: Кайрас, дремлющий на холодных ступеньках в ожидании меня.

— Часа два, наверное, — он пожал плечами, пытаюсь сде-

лать вид, что это пустяк.

— Я что, гуляла с Лин два часа?! — я невольно повысила голос. — Ты мог бы позвонить в дверь! Или написать!

— Не хотел отвлекать, если ты занята, — он поднялся, потягиваясь и разминая затекшую шею. — Да и погода хорошая, тепло ещё

— Тепло, но не настолько, чтобы спать на улице! — я покачала головой, доставая ключи. — Заходи уже. И не спорь.

Кайрас хотел что-то сказать, но лишь усмехнулся и послушно направился к двери.

Мы сидели за столом в моей комнате, окружённые тетрадями, листами с формулами и разбросанными ручками. Кайрас терпеливо объяснял мне очередной пример с интегралами — его голос звучал ровно и уверенно, а я изо всех сил старалась сосредоточиться.

— Видишь, здесь нужно сделать замену переменной, — он указал на строчку в тетради. — Потом применяем формулу интегрирования по частям

— Поняла, — кивнула я, хотя в голове всё ещё царил хаос из цифр и символов. — Давай я попробую сама.

Я встала из-за стола и начала ходить взад вперёд по комнате, шевеля губами и повторяя про себя шаги решения. Пальцы непроизвольно теребили край футболки — так я всегда делала, когда напряжённо думала. Взгляд скользнул по знакомым вещам: постеру с космосом на стене, полке с книгами, плюшевому медведю, которого мне подарила мама на деся-

тилетие. Всё это обычно успокаивало, но сейчас мысли крутились только вокруг задачи.

Кайрас наблюдал за мной с лёгкой улыбкой. Потом он тоже поднялся. Скорее всего, хотел подойти и что-то уточнить в моём решении.

Но, в тот момент, когда я резко развернулась, чтобы вернуться к столу, наши траектории пересеклись. Я не успела среагировать и с размаху врезалась в Кайраса. Потеряв равновесие, мы оба пошатнулись.

— Ой! — вскрикнула я.

Он попытался схватить меня за руку, чтобы удержать, но это только усугубило ситуацию. Мы неловко схватились друг за друга, запутались в ногах — и в следующий момент с глухим стуком плюхнулись на мою кровать, которая стояла неподалёку, у окна.

Секунду мы лежали, ошеломлённые, потом одновременно рассмеялись.

— Ну и приземление, — выдохнул Кайрас, приподнимаясь на локтях. Он оказался сверху, но тут же попытался аккуратно отстраниться. — Ты в порядке?

— Да, — я всё ещё хихикала, чувствуя, как горят щёки. — Просто неожиданно получилось.

Наши взгляды встретились. Смех затих, а в воздухе повисло что-то новое — неловкость, смешанная с чем-то непонятным. Солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь занавески, очертили контур его лица, подсветили пряди волос.

Кайрас медленно сел, всё ещё держа руку на краю кровати рядом со мной. На мгновение его пальцы слегка коснулись моей щеки — едва уловимо, почти невесомо.

Я замерла. Это прикосновение было таким неожиданным и странным. В груди что-то ёкнуло, но я не могла понять, что именно — смущение? волнение? Почему он это сделал?

Будто осознав, что совершил что-то запретное, Кайрас резко отдернул руку, словно ошпарился. Его щёки слегка покраснели.

— Извини, — произнёс он чуть хрипло, отводя взгляд. — Я не хотел это вышло случайно.

— Ничего страшного, — я поспешно села, стараясь не показывать, насколько меня задело это мгновение. Внутри всё смешалось: с одной стороны, было приятно, с другой — я совершенно не понимала, что это значит.

— Это я виновата, — добавила я, поправив волосы. — Ходила туда сюда, как маятник.

Мы снова переглянулись. В его глазах читалась какая-то внутренняя борьба, будто он пытался решить, что сказать дальше.

— Может, сделаем перерыв? — предложила я, стараясь унять странное волнение в груди. — Попьем ещё холодного чаю?

— Отличная идея, — Кайрас встал и протянул мне руку. — И, может, в следующий раз будем осторожнее с перемещениями по комнате?

— Обещаю не носиться, как угорелая, — я приняла его помощь и поднялась. — Но только если ты пообещаешь не вставать со своего места без предупреждения.

Он рассмеялся, но как-то натянуто, не так искренне, как раньше.

— Договорились.

Пока я шла к мини холодильнику в углу комнаты за чаем, сердце всё ещё билось чуть быстрее обычного. Я снова и снова прокручивала в голове то прикосновение — лёгкое, почти неощутимое, но от которого по коже пробежали мурашки. Почему он так резко отпрянул? Что это вообще было?

Вернувшись с двумя кружками, я поставила их на стол рядом с тетрадами.

— Ладно, — сказала я, стараясь говорить бодро. — Вернёмся к нашим интегралам. Но на этот раз без акробатических трюков, договорились?

— Абсолютно, — Кайрас сел на своё место. Его взгляд стал более отстранённым, будто он поставил между нами невидимую стену. — Хотя должен признать, это был самый запоминающийся урок математики в моей жизни.

Я фыркнула, но уже без прежней лёгкости:

— Не надейся, что это станет традицией.

Мы снова склонились над тетрадами, но теперь атмосфера стала другой — более напряжённой. За окном шелестели листья, а на столе рядом с формулами лежал мой старый блокнот с детскими рисунками. Раньше он всегда вызывал

улыбку, но сейчас я едва замечала его. Все мои мысли были заняты одним: что означал тот короткий, почти случайный жест Кайраса — и почему он так испугался собственной смелости?

Настоящее время.

Я резко выдохнула, возвращаясь в реальность. Мир вокруг всё ещё плыл, звуки доносились будто сквозь толщу воды, а тело казалось чужим и непослушным.

Но одно я ощутила отчётливо — меня кто-то нёс на руках. Тёплые, сильные руки поддерживали спину и колени, а моё плечо прижималось к твёрдой груди. Сквозь мутное, расплывчатое зрение я разглядела знакомые черты: тёмные брови, линию подбородка, пряди волос, упавшие на лоб

— Кайрас — хрипло прошептала я, и его взгляд метнулся ко мне.

— Очнулась, — с облегчением выдохнул он. — Держись крепче. Почти пришли.

Я попыталась собраться с мыслями. Последнее, что я помнила, — это та самая мелодия, боль в висках, белая вспышка. А потом — провал. И вот теперь я на руках у Кайраса, а вокруг медленно проступают очертания улицы: деревья вдоль тротуара, чей-то забор, вдалеке — силуэт школы.

Он шёл быстро, но осторожно, стараясь не трясти. Я невольно вцепилась пальцами в его рукав, пытаюсь унять

дрожь во всём теле.

— Где мы? — с трудом выговорила я.

— Почти у больницы, — коротко ответил он. — Ты упала прямо на пешеходном переходе. Хорошо, что я был рядом.

Мы остановились у крыльца. Кайрас аккуратно поставил меня на ноги, но не отпустил — придерживал за плечи, пока я пыталась устоять. Мир всё ещё покачивался, но сознание прояснялось с каждой секундой.

— Ты мог просто вызвать скорую, — пробормотала я, пытаясь отстраниться.

— Мог, — он не убрал рук. — Но пока бы она ехала... Да и ты была бледная, как полотно. И не дышала пару секунд.

Я вздрогнула. *Не дышала?*

— Зачем ты вообще следил за мной? — голос сам собой стал резким. — Какое тебе дело до того, что со мной происходит?

Кайрас замер. Его пальцы на моих плечах слегка сжались, потом медленно опустились. Он отступил на шаг, посмотрел куда-то в сторону. На мгновение мне показалось, что он сейчас развернётся и уйдёт.

Но он остался.

— Я не следил, — тихо сказал он. — Просто шёл следом. Видел, как ты остановилась посреди дороги, как побледнела. Я испугался.

— Испугался? — я горько усмехнулась. — С какой стати? Мы просто друзья. Или даже не совсем. Ты сам так решил.

Он поднял глаза. В них читалось смятение — будто он пытался подобрать слова, но они не шли. Его губы дрогнули, он сделал вдох, словно собирался сказать что-то важное но в последний момент передумал.

— Я не знаю, — произнёс он глухо. — Наверное, просто не смог пройти мимо.

Эти слова повисли между нами, тяжёлые и горькие. Я смотрела на него и вдруг поняла, что он лжёт. Не совсем — он действительно испугался за меня. Но причина была глубже. Гораздо глубже. И он сам боялся её признать.

— Пойдём, — Кайрас снова шагнул ко мне, осторожно взял за локоть. — Давай хотя бы проверим, всё ли в порядке. Врач посмотрит, убедится, что это не опасно.

Я хотела отказаться. Хотела выдернуть руку и сказать, что справлюсь сама. Но что-то в его взгляде — какая-то отчаянная решимость — остановило меня.

— Ладно, — выдохнула я. — Пойдём.

Он кивнул, и мы медленно поднялись по ступеням больницы. Я шла, чувствуя, как внутри всё сжимается от противоречивых эмоций: злости, растерянности, тревоги и странного, неуловимого тепла, которое не имело никакого отношения к солнцу, светившему над головой.

Кайрас всё ещё держал меня за локоть — легко, почти невесомо, но достаточно, чтобы я чувствовала: он рядом. И в этот момент мне вдруг стало не так страшно.

Глава 5. Осколки ясности.

Наше время.

Яркий флуоресцентный свет больничной лампы резал глаза. Я поморщилась и прикрыла лицо рукой, пытаясь сфокусироваться. Вокруг пахло антисептиком, а где-то вдалеке раздавались приглушённые голоса медперсонала и писк приборов.

— Пульс стабилизировался, давление в норме, — донёсся до меня спокойный голос врача. — Похоже, это был кратковременный обморок на фоне переутомления и стресса. Рекомендую покой, полноценный сон и консультацию невролога.

Я повернула голову и увидела Кайраса. Он сидел у стены, сгорбившись, сцепив руки в замок. Его взгляд был устремлён в пол, а на скулах ходили желваки. Услышав голос врача, он резко поднял голову и встревоженно посмотрел на меня.

— Ты как? — спросил он, тут же вскакивая с места и подходя ближе к кушетке.

— Нормально, — я попыталась сесть, но голова всё ещё кружилась. — Просто странно.

Врач, седовласый мужчина в очках, мягко остановил меня:

— Полегче, девушка. Полежите ещё минутку. У вас был небольшой обморок, но ничего критичного. Сейчас вам станет лучше. — он поставил мне укол, а затем отстранился. — На этом всё, мы уже позвонили вашему опекуну, и она скоро будет, чтобы оформить выписку. — с этими словами доктор вышел из палаты, оставляя нас наедине.

Кайрас стоял рядом, нервно теребя край рукава рубашки. Его пальцы чуть подрагивали.

Я лежала на кушетке в больничной палате, уставившись в белый потолок с неровными пятнами от старой краски. В ушах всё ещё шумело, а перед глазами то и дело всплывали обрывки последних событий: тротуар, Кайрас, несущий меня на руках, его встревоженное лицо

Он сидел рядом — на том же стуле, что и раньше, — и молча смотрел в окно. Солнечный луч пробивался сквозь жалюзи, рисовал на полу полосатую тень. Кайрас не шевелился, только пальцы его нервно сжимались и разжимались на коленях.

Я снова и снова прокручивала в голове своё воспоминание. Прикосновение к щеке в моей комнате Его внезапная отстранённость, будто он испугался чего-то. Образ Лин — моей подруги, которая хоть и пыталась скрыть свою ревность к Кайрасу, но всё же не могла полностью её замаскировать. Её рингтон телефона до сих пор звучал в моей голове слишком отчётливо — словно эхо, которое не получалось заглушить. Значит, это действительно было. Всё было по настоя-

щему.

— Зачем? — мой голос дрогнул, но вопрос прозвучал ясно. Я смотрела на Кайраса, пытаюсь прочесть ответ в его глазах. Совсем недавно он оттолкнул меня — так резко, будто обжёгся, — а сейчас снова помог, нёс на руках сюда, в больницу, не раздумывая.

Он вздохнул, перевёл на меня взгляд — и в этом взгляде мелькнуло что-то, чего я не смогла распознать.

— Я уже отвечал на этот вопрос, — произнёс он тихо. — Я бы любому помог, не только тебе.

— Я это уже поняла, но — начала было я, но вдруг замолчала, разорвав зрительный контакт.

Воспоминания нахлынули волной — яркие, почти осязаемые. Я видела, как мы с Лин шли по улице, как она сбрасывала звонок от Чарли, как я говорила с Кайрасом по телефону. Всё это было, но казалось чужим, словно я подглядывала за чьей-то чужой жизнью через замочную скважину.

— Мы же были друзьями, — продолжила я, и голос зазвучал чуть громче, — почему ты себя так ведёшь? Почему ты то подпускаешь меня близко, то отталкиваешь? Почему говоришь, что тебе нравится другая, но при этом — я запнулась, подбирая слова, — но при этом смотришь на меня так, будто я — это всё?

Кайрас вздрогнул от этих слов. Его тело слегка напряглось, плечи чуть приподнялись, словно он готовился к удару. Он пристально посмотрел на меня — в его глазах чита-

лась борьба: что-то рвалось наружу, но он упорно держал это внутри.

— Ты что-то вспомнила? — его голос был тихим, почти шёпотом, но в нём звучало неподдельное беспокойство.

Я отвела взгляд, сжала пальцы в кулаки, чувствуя, как внутри всё сжимается от противоречивых эмоций. Воспоминания кружились в голове, как листья на ветру, — яркие фрагменты, но без единой нити, без логики.

— Какая разница, если это в прошлом? — огрызнулась я, но в глубине души понимала: разница есть. Огромная. Потому что эти обрывки прошлого — они не просто картинки. Они связаны с ним. С нами. И с тем, что он скрывает.

Кайрас молчал. Тишина в палате стала почти осязаемой — только тиканье часов на стене нарушало её размеренным стуком. Он открыл рот, будто собираясь что-то сказать, но снова закрыл. Его пальцы слегка дрогнули, и я заметила, как он сжал их в кулак, словно удерживая себя от чего-то.

Он открыл рот, но в этот момент в палату резко открылась дверь — и на пороге появилась мама. На её лице читалась неподдельная обеспокоенность, глаза лихорадочно обегали пространство, пока не остановились на мне. Убедившись, что я в порядке, она перевела взгляд на Кайраса — и в этом взгляде промелькнуло что-то, чего я не смогла сразу распознать.

— Спасибо, что был рядом с ней, как я тебя и просила, — произнесла она с облегчением, но тут же осеклась и ис-

пуганно посмотрела на меня.

Тишина ударила по нервам, словно разряд тока.

— В каком смысле «как я тебя и просила»? — я резко повернулась к ней, переводя взгляд с мамы на Кайраса и обратно. Голос прозвучал резче, чем я ожидала. — Объясни.

Мама замялась, нервно поправила прядь волос, упавшую на лоб.

— Милая, ты не так поняла

— Так, значит, вот почему ты мне помогал? — я повернулась к Кайрасу, и внутри всё закипело от обиды. — Потому что тебя моя мама попросила? Всё это время? Помощь с Дрейком, поддержка в школе, даже сейчас — ты просто выполнял чью-то просьбу?

Кайрас побледнел. Он открыл рот, будто хотел что-то сказать, но я не дала ему шанса.

— Можешь больше не помогать, — бросила я, не скрывая горечи. Потом повернулась к маме: — И ты не проси больше, чтобы за мной следили. Я не маленький ребёнок, которому нужна нянька!

Я резко вскочила с постели — и мир тут же поплыл перед глазами. Комната закружилась, пол ушёл из под ног, а ноги стали ватными, будто из них выкачали все силы.

Крепкие руки Кайраса подхватили меня прежде, чем я успела упасть. Он удержал меня, прижал к себе, и на мгновение я почувствовала знакомое тепло — то самое, что так часто ощущала рядом с ним.

— Айла, послушай — начал он тихо, почти умоляюще.

Но я уже пришла в себя. В глазах прояснилось, головокружение отступило. Я резко вырвала руку из его хватки — чуть резче, чем следовало.

— Не надо, — отрезала я, избегая его взгляда. — Просто не надо.

Не оглядываясь, я шагнула к двери, толкнула её и вышла из палаты. Коридор больницы поплыл перед глазами — то ли от слабости, то ли от подступивших слёз. Я шла, почти бежала, не разбирая дороги, лишь бы оказаться подальше от них. От их тайн, от их недоговорённостей, от этого чувства, будто меня обманули.

«Всё это было ненастоящим? — билась в голове горькая мысль. — Его забота, его внимание, всё — просто долг перед моей мамой?»

За спиной слышались шаги — кто-то шёл следом. Я ускорила шаг, свернула за угол, надеясь скрыться в каком-нибудь тихом месте, где можно будет перевести дух и понять, что теперь делать. Где можно будет разобраться, что из всего этого было правдой, а что — лишь хорошо разыгранной ролью.

Я добралась до дома, едва осознавая, что делаю. Тело двигалось на автомате — шаги, повороты, нажатия на дверные ручки, — будто кукловод управлял мной, а я лишь наблюдаю со стороны.

Дверь захлопнулась с тихим щелчком, отрезая меня от

всего мира. Я медленно прошла в комнату, ноги подкашивались, будто после многочасового марафона. Без сил опустилась на кровать, уткнулась лицом в подушку — и на мгновение замерла, пытаясь отдышаться.

Куртка так и осталась на мне, ботинки — на ногах. Не было сил даже пошевелиться. Я свернулась клубочком, подтянула колени к груди и закрыла глаза. Но покоя не было — в голове снова и снова прокручивались последние события, как заевшая пластинка.

Мамины слова звучали в ушах с пугающей чёткостью: «Спасибо, что был рядом с ней, как я тебя и просила» Они эхом отдавались в сознании, царапали изнутри, не давали забыть. Перед глазами вставал Кайрас — его лицо в тот момент, когда я его обвинила. В его взгляде было столько боли и растерянности Он хотел что-то сказать, я видела это, но я не дала ему шанса. Просто выпалила всё на эмоциях и убежала.

А потом всплыло другое воспоминание — как он подхватил меня, когда мир поплыл перед глазами. Так крепко, так надёжно От этой мысли внутри всё сжалось. Я сжала край одеяла так сильно, что пальцы побелели.

Дыхание постепенно выравнивалось, мысли теряли чёткость, расплывались, как акварельные краски под дождём. Усталость навалилась всей своей тяжестью — тело расслабилось, веки отяжелели. Я даже не заметила, как провалилась в сон.

Пространство вокруг изменилось мгновенно — будто кто-то щелкнул невидимым выключателем.

Я стояла у моря. Тёплый ветер ласково теребил волосы, солёный воздух наполнял лёгкие, принося с собой ощущение покоя, которого так не хватало. Волны мерно накатывали на берег, оставляя белую пену, которая тут же растворялась в новом приливе.

Рядом сидел Кайрас. Не тот встревоженный парень из больницы, а какой-то другой — более настоящий, что ли. Тот, с кем мы могли часами болтать ни о чём, смеяться над глупостями и чувствовать себя нормально. Он смотрел вдаль, на линию горизонта, где небо сливалось с водой, и лицо его было непривычно задумчивым, почти печальным.

Я хотела что-то сказать — спросить, где мы, что это за место, почему всё так спокойно и правильно. Но слова застряли в горле. Вместо этого я просто смотрела на него, запоминая каждую мелочь: изгиб губ, тень ресниц на скулах, прядь волос, упавшую на лоб. В этот момент всё казалось таким настоящим. Будто здесь, у моря, время остановилось специально для нас.

Кайрас повернулся ко мне. Наши взгляды встретились. И в тот же миг я почувствовала что-то странное, почти осязаемое. Как будто он пытался передать мне какую-то мысль без слов, донести что-то важное, спрятанное за привычной насмешливостью.

— Мне жаль, — тихо произнёс он.

Голос прозвучал так отчётливо, так реально, что я вздрогнула. Хотела спросить: «Почему тебе жаль?», но не успела — он снова отвернулся к морю, а его силуэт начал медленно растворяться в золотистом свете заката, словно превращаясь в часть этого волшебного пейзажа.

Сон начал меркнуть. Волны затихали, берег расплывался перед глазами, теряя чёткие очертания. Голос Кайраса звучал всё тише, пока совсем не растворился в шуме прибоя, оставив после себя лишь эхо и странное, щемящее чувство утраты.

Я резко открыла глаза. В комнате было темно — видимо, я проспала несколько часов. За окном догорали последние лучи заката, отбрасывая длинные тени на пол.

Села на кровати, всё ещё чувствуя на коже прикосновение морского ветра, слыша в ушах шёпот волн.

Фраза Кайраса эхом отдавалась в сознании: «Мне жаль».

Что он имел в виду? Почему этот сон кажется таким важным? И почему я уверена, что это не просто фантазия, а что-то, что действительно было? Может, это ещё одно воспоминание? Одно из тех, что скрылись за пеленой амнезии?

Обхватила колени руками, уставившись в темноту. В груди снова зашевелилось то же чувство, что и днём, — острая смесь обиды, тревоги и тоски. Тоски по чему-то утраченному, по какому-то моменту, который я не могла вспомнить. По чему-то, что связывало нас с Кайрасом до моего провала в памяти.

Я взяла в руки телефон — экран засветился тусклым светом в полутёмной комнате — и тут же получила сообщение от Zero, словно он ждал, когда я появлюсь в сети.

Zero: Ты в порядке?

Айла: Да, очень насыщенный выдался день А ты?

Zero: Если честно, то нет. Я был рядом, когда тебе стало плохо.

Я замерла, перечитав последнее сообщение несколько раз. По моей коже пробежали мурашки — холодные, колючие, будто кто-то провёл льдом вдоль позвоночника.

«Он был рядом? Но кто из тех людей? — мысли заматались в голове, сталкиваясь друг с другом. — Тот парень в сером худи у остановки? Или мужчина, который остановился, чтобы поднять мою сумку? А может, кто-то ещё, кого я даже не заметила?»

И ещё один вопрос, ещё более тревожный: «Как он понял, что я — это я? В моём профиле нет фотографий, только ник и пара строчек в описании. Мы никогда не общались раньше»

Но ведь общались. Совсем недавно, после больницы. Тогда я была растеряна, потеряна — не могла собрать воедино обрывки воспоминаний, не понимала, что происходит вокруг. И он написал первым. Просто «Привет. Ты точно в порядке?».

Я ответила — и завязался разговор. Станный, необычный. Он не задавал лишних вопросов, не пытался выудить

подробности. Просто слушал. И както так отвечал, что мне казалось — он понимает меня без слов. Будто видит то, что прячется за фразами, чувствует то, что я не решаюсь озвучить.

Мы говорили о мелочах: о погоде, о книгах, о музыке, которая помогает пережить тяжёлые дни. Но в каждом его слове, в каждой паузе между сообщениями я ощущала глубокую связь. Как будто мы знали друг друга много лет.

Пальцы дрогнули над клавиатурой. Страх смешивался с любопытством, но я всё же решилась.

Айла: Кто ты?

Zero долго печатал — так долго, что экран успел потускнеть, а я начала думать, что он вообще не ответит. Секунды тянулись, как резина, и каждая казалась вечностью. Я вглядывалась в три точки, обозначающие набор сообщения, будто могла прочесть слова сквозь них.

Наконец, сквозь долгое ожидание пришло сообщение — всего четыре слова, но от них по спине снова пробежал холодок:

Zero: Я тот, кто хочет помочь, Айла.

Я резко выдохнула, чувствуя, как участилось сердцебиение. Фраза звучала одновременно успокаивающе и пугающе. «Помочь? В чём? Почему именно мне? И почему так таинственно?»

Но в глубине души я почему-то ему верила. Несмотря на всю странность ситуации, несмотря на вопросы без ответов

— я чувствовала, что он не желает мне зла.

Айла: Почему? Почему ты хочешь мне помочь?

Ответ пришёл почти мгновенно — быстрее, чем раньше. Будто он ждал этого вопроса.

Zero: Потому что ты не должна проходить через это одна.

Внутри что-то дрогнуло. Простое предложение, но в нём было столько тепла, столько искренности, что на глаза навернулись слёзы. Я сжала телефон в руке, пытаюсь собраться с мыслями.

Айла: Откуда ты знаешь, через что я прохожу? **Zero:** Не знаю всего. Но вижу, что тебе тяжело. И вижу, что ты пытаешься разобраться во всём сама. Это неправильно.

Я закусила губу. Он был прав. Я действительно пыталась справиться со всем в одиночку: с потерей памяти, с запутанными отношениями с Кайрасом, с мамиными недоговорённостями. Пыталась быть сильной, хотя внутри всё трещало по швам.

Айла: А если я скажу, что не хочу помощи? Что хочу сама во всём разобраться? **Zero:** Тогда я буду рядом. Просто так. Чтобы ты знала — ты не одна.

Сердце сжалось. В груди разливалась странная смесь чувств: благодарности, недоверия, надежды. Кто он? Почему так заботится обо мне? Но главное — почему его слова так сильно задевают за живое?

Айла: Спасибо. **Zero:** Не за что. Помни: я здесь. Всегда.

Я выключила телефон, но не отбросила его, как собира-

лась раньше. Вместо этого положила рядом на кровать, глядя на погасший экран.

В голове всё ещё крутились вопросы, но теперь они не казались такими пугающими. Впервые за долгое время я почувствовала, что не одна в этой борьбе с тайнами, воспоминаниями и страхами.

«Кто бы ты ни был, Zero, — подумала я, — спасибо, что ты есть».

Глава 6. Почему?

Наше время.

На следующий день после инцидента в больнице я не говорила ни с мамой, ни с Кайрасом в школе. Я старательно избегала любого контакта. Я была зла, и это чувство только усилилось, когда я увидела маму: она вела себя так, будто ничего не случилось.

Утром, спустившись вниз, я уловила ароматный запах блинчиков — в животе тут же заурчало. Но я стиснула зубы, прошла мимо кухни, быстро обулась и выскользнула из дома, даже не оглянувшись.

На улице было прохладно — сентябрь уже давал о себе знать. Я пожалела, что не надела кофту: утренний воздух пробирал до костей, а кончики пальцев сразу заledenели. Судя по глубоким лужам на дороге и блестящей мостовой, ночью снова прошёл сильный дождь. Капли ещё дрожали на листьях кустов у тротуара, а в воздухе витал свежий, чуть терпкий запах влажной земли.

Я не стала дожидаться школьного автобуса — решила пройтись пешком. Шаг за шагом, стараясь унять внутреннюю бурю, я шла по улицам, которые казались сегодня осо-

бенно серыми и унылыми. Мысли крутились вокруг маминых слов и растерянного взгляда Кайраса. «Неужели всё было ненастоящим?» — снова и снова спрашивала я себя.

Когда до школы оставались считанные метры, всё произошло в долю секунды.

Рядом со мной с рёвом пронеслась машина — чёрная, блестящая, слишком быстрая для этого тихого района. Шины заскользили по мокрому асфальту, и волна грязной воды из лужи окатила меня с головы до ног. Холодная, липкая, она проникла под одежду, заструилась по спине, попала за воротник. Я отшатнулась, едва удержавшись на ногах, и в ужасе прижала руку к груди.

— Эй, осторожнее! — выкрикнула я вслед машине, но та уже скрылась за поворотом.

Я стояла посреди тротуара, насквозь промокшая, дрожащая от холода и злости. Волосы прилипли ко лбу, джинсы потемнели от воды, а кроссовки хлюпали при каждом шаге. Всё внутри кипело: сначала мама, потом Кайрас, а теперь ещё и это. Казалось, весь мир сговорился, чтобы сделать мой день ещё хуже.

Глубоко вдохнув, я поправила рюкзак и побрела к школе. Хотелось спрятаться, закрыться ото всех, но впереди ждал учебный день — и неизбежные встречи, которых я так старалась избежать.

У самых ворот школы я остановилась, пытаюсь собраться с силами. Вытерла лицо рукавом — бесполезно, всё равно

мокрое. Поправила волосы, глубоко вздохнула и вошла во двор.

Мой взгляд тут же упал на Кайраса. Он стоял у стены, перелистывал что-то в телефоне, но, увидев меня, замер. Его взгляд скользнул по моему промокшему виду, и лицо искажилось от беспокойства.

— Айла? Что случилось? Ты вся — он сделал шаг ко мне, будто хотел коснуться, но остановился.

Я невольно отступила назад. Воспоминания о больнице нахлынули волной: его растерянность, мамины слова, моя собственная злость

— Ничего, — отрезала я, стараясь говорить ровно. — Просто машина окатила водой.

Кайрас нахмурился, покачал головой.

— Это не «просто», — тихо сказал он. — Ты замёрзла. Пойдём, у меня в шкафчике есть толстовка.

Я хотела отказаться, хотела сказать что-нибудь резкое, но что-то в его голосе остановило меня. В нём не было привычной насмешки, только искренняя забота. И ещё — та же интонация, что и в сообщениях Zero.

«Так же говорит Zero, — вдруг пронеслось в голове. — Те же паузы, те же обороты речи»

— Ладно, — неожиданно для самой себя согласилась я. — Но только на время.

Кайрас кивнул, и мы направились к раздевалке. По дороге я украдкой наблюдала за ним: как он поправляет лямку рюкзака.

зака, как хмурит брови, когда о чём-то задумывается. Всё это казалось таким знакомым, таким близким.

В раздевалке он достал из шкафчика тёмно-синюю толстовку и протянул мне.

— Надень. Она тёплая.

Я взяла её, чувствуя, как ткань хранит ещё его тепло. На секунду наши пальцы соприкоснулись — и по спине пробежала странная дрожь.

— Спасибо, — пробормотала я, натягивая толстовку. Она оказалась большой, рукава закрывали ладони, но в ней сразу стало уютнее — и не только из-за тепла.

Кайрас улыбнулся — чуть неуверенно, но искренне.

— Лучше?

Я кивнула.

— Да. Спасибо.

Мы стояли молча, глядя друг на друга. Где-то рядом звенели голоса одноклассников, хлопали дверцы шкафчиков, но мне казалось, что мы с Кайрасом оказались в каком-то своём, отдельном пространстве.

— Слушай, — начал он осторожно, — я понимаю, что ты злишься. Но всё не так, как ты подумала. Я помогал тебе не потому, что твоя мама попросила. Ну, то есть она действительно просила но я бы и так это делал. Потому что ты важна для меня.

Я застыла. В груди ёкнуло. Его голос, интонация, даже этот жест с кулаками — всё показалось до боли знакомым.

«Точно так же писал Zero, — подумала я. — Он угадывал мои чувства, поддерживал, говорил, что я не одна Неужели Zero — это Кайрас?»

— Что такое? — Кайрас нахмурился, заметив, как я на него смотрю.

— Ничего, — я покачала головой, пытаюсь отогнать странное ощущение. — Просто ты сейчас сказал почти то же самое, что мне написал один человек.

— Кто?

— Неважно, — я отвернулась, чувствуя, как внутри нарастает странное волнение. — Просто спасибо, что сказал это.

Кайрас хотел что-то добавить, но прозвенел звонок, и коридор начал заполняться учениками.

— Поговорим позже? — спросил он.

— Да, — я заставила себя улыбнуться. — Позже.

Он ушёл, а я осталась стоять, глядя ему вслед. Толстовка пахла чем-то знакомым — лёгким древесным ароматом геля для душа, который я уже где-то слышала.

«Но зачем ему скрывать это? — думала я. — Почему он пишет мне под другим именем?»

Ответа не было. Но вместо решимости выяснить правду меня вдруг охватили сомнения.

«А что, если это просто совпадение? — мысленно возразила я сама себе. — Многие так говорят — «не должна проходить через это одна».

И интонации может, я просто ищу то, чего нет? Привязываю свои фантазии к обычным словам и жестам».

Я поправила рукава толстовки и направилась в класс, стараясь отогнать навязчивые мысли.

Я зашла в класс, всё ещё в толстовке Кайраса. Одноклассники бросали на меня любопытные взгляды. Ну конечно, промокшая с головы до ног, в чужой одежде, я наверняка выглядела странно. Но мне было всё равно. В голове крутилась одна мысль, но теперь она уже не казалась такой очевидной.

На уроке я почти не слушала учителя. Пальцы нервно барабанили по парте, а взгляд то и дело скользил в сторону Кайраса. Он сидел через два ряда от меня, сосредоточенно что-то записывал в тетрадь. Казалось, он уже забыл о нашей встрече у школы, но я то помнила всё до мельчайших деталей: его голос, взгляд, тепло толстовки

Но теперь эти воспоминания не подталкивали меня к расследованию — напротив, я пыталась их остудить.

«Может, я всё усложняю? — размышляла я. — Zero пишет ободряющие слова — но так делают многие. Кайрас заботится обо мне — но он же мой друг, разве нет? А совпадения в речи Да у половины парней в школе похожие фразы!»

Как только прозвенел звонок на перемену, я достала телефон и открыла чат с Zero. Руки слегка дрожали — не от предвкушения разоблачения, а от неуверенности.

Айла: Знаешь, сегодня мне показалось, что ты очень похож на одного моего знакомого. По манере говорить, по то-

му, как поддерживаешь. Но, наверное, это просто совпадение.

Секунды тянулись, пока я смотрела на экран. Три точки замерли — он печатал.

Zero:Возможно. Люди часто похожи в том, что хотят помочь близким. Но я рад, что ты чувствуешь мою поддержку.

Я выдохнула. Ответ был таким обычным. Без намёков, без уклончивости. Просто доброе, спокойное сообщение.

Айла:Спасибо. Просто иногда мне кажется, что мир полон совпадений. **Zero:**А иногда совпадения — это просто совпадения. Главное — что ты не одна.

Я улыбнулась. В этих словах не было ничего, что указывало бы на Кайраса. Просто человеческая доброта.

После уроков я решила поговорить с Кайрасом — но не о Zero. Я подошла к нему, когда он складывал книги в рюкзак.

— Кайрас, — начала я, — спасибо за толстовку. И за то, что поддержал сегодня.

Он поднял глаза, улыбнулся:

— Всегда пожалуйста. Ты в порядке?

— Да, — кивнула я. — Просто иногда я слишком много думаю. Ищу загадки там, где их нет.

— Это нормально, — он хлопнул меня по плечу. — Главное, что теперь ты выглядишь чуть спокойнее.

Мы вышли из школы вместе. Ветер развеивал волосы, солнце пробивалось сквозь облака, а в душе стало удивительно легко.

«Может быть, — подумала я, — правда в том, что рядом есть люди, которые заботятся обо мне. А кто из них пишет сообщения, а кто говорит лично — уже не так важно».

Я глубоко вдохнула свежий воздух и улыбнулась. Впервые за долгое время мне не хотелось ничего разгадывать. Хотелось просто идти рядом с другом и радоваться тому, что он рядом.

Мы шли по тихой улице, и под ногами шуршали опавшие листья. Кайрас молча провожал меня домой. Я искоса поглядывала на него: он то поправлял лямку рюкзака, то засовывал руки в карманы, будто не знал, куда их деть. В воздухе висело какое-то напряжение, которого раньше между нами не было.

За последние дни мы стали ближе — после всех этих разговоров, признаний, попыток разобраться в том, кто есть кто. Но сейчас, в этом спокойном вечернем свете, когда фонари уже зажглись, а в окнах домов загорались тёплые огни, что-то снова повисло между нами — будто недоговорённость, которую нужно было разорвать.

— Кстати, прости меня за то, что я тогда наговорил тебе после того, как ты меня поблагодарила, — наконец произнёс он, бросив на меня короткий взгляд.

Его пальцы непроизвольно забарабанили по поручню невысокого забора, вдоль которого мы шли, потом замерли, сжавшись в кулак.

Я невольно затаила дыхание. В его голосе звучало что-то

непривычное — не обычная лёгкая насмешка, а искренняя неловкость.

— Я тогда был не в себе, — продолжил Кайрас, опустив глаза на тротуар. — Нервы, давление... Не знаю. Я не обратил внимания, как это могло прозвучать. Ты всё ещё мой друг, верно? — Он сделал паузу на слове «друг», и его лицо на мгновение помрачнело, будто это слово царапнуло изнутри. — Хотя ты и потеряла память, я не должен был так поступать с тобой.

Я замедлила шаг. Он говорил о моей потере памяти прямо — без неловких обходов, без фальшивого сочувствия. И в этом была особая честность.

Когда я подняла глаза, он уже смотрел на меня. В его взгляде читалась смесь вины и надежды — будто он боялся, что своими словами мог окончательно всё испортить. Но стоило мне задержать на нём взгляд, как он выдавил улыбку — привычную, чуть насмешливую, но в этот раз она показалась мне хрупкой, ненастоящей.

— Конечно, друг, — ответила я мягко, стараясь вложить в голос всю уверенность, которой ему сейчас не хватало. — И спасибо, что сказал это. Правда.

Кайрас шумно выдохнул, расслабил плечи и провёл рукой по волосам — этот жест был мне так хорошо знаком.

— Просто — он запнулся, потом продолжил тише: — Мне важно, чтобы ты это знала. Что для меня ничего не изменилось. Ну, кроме того, что теперь я лучше слежу за языком.

Его попытка пошутить прозвучала немного натужно, но я улыбнулась в ответ — искренне, без тени осуждения.

— Ничего не изменилось, — повторила я. — И я рада, что ты это сказал. Потому что я тоже иногда боюсь сказать что-то не то. Будто из-за потери памяти я стала какой-то другой, и вы все теперь ходите вокруг меня на цыпочках.

Он вдруг выпрямился, взгляд стал серьёзнее.

— Мы не ходим на цыпочках, — твёрдо сказал он. — Мы просто учимся заново. И я, и твоя мама, и, наверное, все вокруг. Но это не значит, что мы видим в тебе кого-то другого. Для меня ты всё та же Айла. Просто сейчас тебе сложнее. И я должен был это учитывать.

В груди разливалась теплота — не от его извинений, а от этой неожиданной откровенности. От того, что он смог переступить через свою гордость и сказать то, что действительно думал.

— Спасибо, — прошептала я. — За то, что не боишься быть честным. Даже когда это трудно.

Кайрас наконец улыбнулся — по настоящему. Без масок, без привычной бравады. Просто Кайрас. Мой друг.

— Всегда пожалуйста, — он слегка толкнул меня плечом, возвращая разговор в привычное русло. — И кстати, если я опять скажу глупость, ты имеешь полное право ткнуть меня локтем в бок. Договорились?

— Договорились, — я улыбнулась и пошла рядом, чувствуя, как между нами исчезает ещё одна невидимая прегра-

да.

Вечером, когда я уже собиралась лечь спать, в дверь постучали.

— Айла, — голос мамы звучал непривычно мягко, — спустись, пожалуйста, на кухню. Я приготовила ужин. Поговорим?

Я заколебалась. После больницы наши разговоры были короткими и натянутыми — мама старалась быть заботливой, но я всё ещё чувствовала, что она что-то скрывает. Но в её голосе сейчас звучало что-то новое — какая-то уязвимость, которую я раньше не замечала.

— Хорошо, — тихо ответила я. — Иду.

На кухне пахло запечённой курицей и розмарином. Мама накрыла на двоих у окна — свечи, тарелки с аккуратно разложенной едой, даже ваза с цветами. Это было так не похоже на наши обычные вечера, что я невольно напряглась.

— Садись, — мама указала на стул напротив. — Ешь, пока не остыло.

Мы молча поели несколько минут. Я чувствовала, что она собирается с мыслями, и не торопила её. Наконец, она отложила вилку и посмотрела мне прямо в глаза.

— Айла, я хочу попросить прощения, — её голос дрогнул. — За то, что попросила Кайраса приглядывать за тобой. Я знаю, ты не любишь, когда за тобой следят, и я должна была сказать тебе сразу.

Я замерла с вилкой в руке.

— Ты попросила Кайраса?..

— Да, — кивнула мама. — После больницы я очень беспокоилась. Ты была такой потерянной, отстранённой. А сейчас спокойное время, Айла.

— Почему спокойное? — я нахмурилась. — Что ты имеешь в виду?

Мама вдруг резко перевела взгляд на окно, будто заметила там что-то важное.

— Ничего такого, просто общая обстановка, — поспешно сказала она. — В городе, в школе, везде. Я просто хотела, чтобы рядом был кто-то, кому я могу доверять.

Внутри меня что-то напряглось. Опять эти недоговорки. Но я решила не давить — по крайней мере, пока.

— Понятно, — я опустила глаза в тарелку. — И что, Кайрас согласился?

— Согласился, — мама слегка улыбнулась. — Но знаешь, что он сказал первым делом? Попросил меня обязательно рассказать тебе об этом. Боялся, что если ты узнаешь не от него, то почувствуешь давление. Он очень о тебе заботится, Айла. Будь с ним помягче.

Я невольно улыбнулась, вспомнив нашу сегодняшнюю прогулку. Перед глазами встало его лицо — серьёзное и чуть смущённое, когда он извинялся за свои слова. Его неловкая улыбка, тот самый жест, когда он провёл рукой по волосам, признаваясь, что для него ничего не изменилось. И обещание больше не извиняться за то, что ведёт себя как обычный

человек — с правом ткнуть его локтем в бок, если он опять скажет глупость.

— Он правда так сказал? — тихо спросила я.

— Правда, — мама накрыла мою руку своей. — Он хороший парень. И он переживает за тебя не меньше, чем я. Просто иногда мы не знаем, как это показать, чтобы не напугать.

В груди что-то отпустило. Все эти дни я злилась на Кайраса, подозревала его в какой-то игре, а он, оказывается, с самого начала хотел всё сделать правильно. Даже настаивал, чтобы мама рассказала мне правду. И сегодня, когда он извинялся, он был так искренен

— Я я не знала, — призналась я. — Думала, он просто решил за моей спиной что-то устроить.

— Понимаю, — мама сжала мою руку. — Но иногда люди делают ошибки не из плохих побуждений, а потому что слишком сильно хотят помочь. И я, и Кайрас — мы просто боялись тебя потерять.

Я подняла глаза и впервые за долгое время увидела в её взгляде не просто заботу, а настоящий страх. Страх за меня. И это заставило меня посмотреть на всё иначе.

— Ладно, — я выдохнула. — Спасибо, что сказала.

— Спасибо, что выслушала, — мама улыбнулась, и на этот раз улыбка вышла настоящей, тёплой. — А теперь доедай курицу, пока совсем не остыла.

Я улыбнулась в ответ и взяла вилку. В животе приятно урчало от еды, а в груди разливалась теплота, от того, что

между нами с мамой наконец появилась хоть небольшая, но искренность. И от мысли, что Кайрас, оказывается, так искренне обо мне заботится.

После ужина я поднялась к себе и достала телефон. Открыла чат с Zero — тот самый, где так и не получила прямого ответа. Пальцы замерли над клавиатурой, но на этот раз в душе не было ни тревоги, ни сомнений.

Айла:Знаешь, я тут кое-что узнала. И, кажется, мне больше не нужно искать ответы на тот вопрос. Спасибо, что был рядом — неважно, под каким именем.

Секунды тянулись, но на этот раз я не нервничала. Я просто ждала — спокойно и уверенно.

Zero:Я рад, что ты это поняла. И рад, что всё ещё хочешь со мной говорить.

Айла:Хочу. Очень. Давай просто будем собой? Без масок.

Zero:С удовольствием.

Я закрыла чат и улыбнулась. В окне мерцали звёзды, а где-то внизу мама убирала со стола. Впервые за долгое время я чувствовала, что мы движемся в правильном направлении — все трое. И что теперь, когда между нами стало меньше тайн, всё действительно может наладиться.

Глава 7. Часть того, что было.

Наше время.

Когда я проснулась в субботу, то не думала, что этот день наступит так скоро — особенно после вчерашнего откровенного разговора с мамой за ужином.

Сегодня я должна была быть на приёме у психолога вместе с мамой: нам предстояло разобраться с моей потерей памяти и найти причину иррационального страха перед звуком капающей воды. Как бы мама ни противилась и что бы ни говорила — вроде «Всё в прошлом, пора забыть», — она не могла пойти против воли доктора, который наблюдал за мной после пробуждения в больнице.

Вчера после школы, за ужином, я всё же осмелилась задать вопрос — сразу после того, как мама напомнила про визит к психологу:

— Мам, как я оказалась в больнице?

Вилка с макаронами в руке мамы замерла на полпути ко рту, а потом с лёгкой дрожью опустилась обратно в тарелку.

— Милая, я знаю, что ты хочешь обо всём узнать, но это очень опасно для твоей головы.

— Я понимаю, но Прошу тебя, я устала быть в неведении.

Мама вздохнула. Я видела, как ей тяжело начать этот разговор: она сжала вилку чуть сильнее, взгляд стал отстранённым, будто она заново переживала те дни.

— Хорошо, — сдалась она, отводя глаза и глядя в окно. — Пару месяцев назад я заметила, что ты ведёшь себя очень странно. Твоя манера общения изменилась: ты стала замкнутой, отвечала односложно, избегала разговоров. А когда я заходила к тебе в комнату, ты вздрагивала — но каждый раз говорила, что просто пересмотрела ужастиков.

Она помолчала, подбирая слова.

— Тогда я не придавала этому значения. Посчитала, что это часть этапа взросления — всё-таки тебе восемнадцать. Но потом ты стала поздно приходить домой. Я думала, что ты гуляешь с Кайрасом или Лин, поэтому не беспокоилась.

Её голос дрогнул, и она на мгновение замолчала, сглотнув.

— А спустя месяц, когда я зашла к тебе в комнату, чтобы принести чистые вещи, тебя там не было. Лишь записка — аккуратно сложенная на кровати.

Мама сжала салфетку в руках.

— Когда я взяла записку, у меня затряслись руки. Там было написано: «Не ищи меня, я не вернусь». Тогда я жутко перепугалась и сразу позвонила Кайрасу. Он сказал, что ты была с Лин, — вы тогда поссорились, но причину он не назвал. А когда я сказала, что ты пропала, он тоже не на шутку перепугался. Мы позвонили родителям Лин, узнать не у них ты, но и твоей подруги тоже не было дома. По её щеке

скаталась слеза. — Мы побежали в полицию, но там сказали лишь ждать. Представь, каково мне было: моя дочь исчезла с такими словами, а мне говорят ждать Она вытерла слезу и продолжила, голос стал тише: — Прошли дни, недели. Каждый раз, приходя в участок, я слышала одно и то же: «Ждите». Кайрас тоже не сидел без дела. Он узнал, что Лин так и не появлялась, вы обе словно испарились.

Мама сделала глубокий вдох.

— Спустя две недели, как ты исчезла, Кайрас снова отправился искать — он проверял места, которые показались ему подозрительными. И нашёл тебя на пристани, где фуры разгружали товар, совсем близко к воде. Ты была истощена, избита и без сознания.

Я слушала, затаив дыхание. В груди всё сжималось, а в голове крутились обрывки каких-то смутных образов — будто фрагменты забытого кошмара.

— Но Лин — мама сглотнула. — Лин до сих пор никто не может найти. Она была из неблагополучной многодетной семьи, где даже не заметили её пропажи. Пару дней назад я ходила в участок, чтобы узнать о ней, — и снова ничего.

В кухне повисла тяжёлая тишина. Я смотрела на маму и впервые осознавала, через что ей пришлось пройти. Страх, бессилие, отчаяние — всё это отразилось на её лице, в дрожащих руках, в надломленном голосе.

— Спасибо, что рассказала, хоть тебе это изначально не хотелось, — тихо произнесла я. — Теперь я хотя бы знаю,

с чего начать.

Мама подняла на меня глаза, полные слёз, но в них мелькнуло облегчение.

— Ты сильная, Айла. И я верю, что мы со всем справимся. Вместе.

Я кивнула, сжимая её руку. В этот момент я твёрдо решила: я должна вспомнить всё. Ради себя. Ради мамы. И ради Лин — чтобы помочь её найти, если она ещё жива.

Кабинет психолога располагался в тихом районе города — небольшое здание с большими окнами, зашторенными полупрозрачной тюлью. Мы с мамой вошли в приёмную, где пахло лавандой и свежим кофе. Секретарша улыбнулась и провела нас в кабинет.

Доктор Эстер Райс оказалась женщиной лет пятидесяти с добрыми глазами и спокойной улыбкой. Её кабинет был обставлен просто, но уютно: мягкий диван у стены, два кресла напротив друг друга, низкий столик с блокнотом и ручкой, несколько растений на подоконнике. На стене висела картина с абстрактным пейзажем в пастельных тонах.

— Добро пожаловать, — доктор Райс указала на кресла. — Располагайтесь, пожалуйста.

Мы с мамой сели напротив неё. Я нервно теребила край свитера, а мама положила руку мне на колено, слегка сжав его в знак поддержки.

— Итак, Айла, — доктор Райс открыла блокнот, но не спешила записывать. — Я ознакомилась с вашей историей. Рас-

скажите своими словами, что вас беспокоит больше всего?

Я взглянула на маму, та ободряюще кивнула.

— Я почти ничего не помню о последних месяцах перед тем, как оказалась в больнице, — начала я, стараясь говорить ровно. — И ещё меня пугает звук капающей воды. Просто парализует. Начинает колотиться сердце, потеют ладони, хочется убежать куда-нибудь.

Доктор Райс кивнула, делая короткие пометки.

— Понятно. А когда впервые заметили этот страх? Можете вспомнить ситуацию, когда он проявился особенно сильно?

Я на мгновение закрыла глаза, пытаюсь сосредоточиться.

— Кажется, это случилось вскоре после того, как я пришла в себя в больнице. Мы были на кухне, мама мыла посуду И вдруг я слышала, как капает кран. Всё внутри будто сжалось, стало трудно дышать. Я выбежала из дома и долго не могла успокоиться.

— Хорошо, спасибо, что поделились, — мягко сказала доктор Райс. — А что касается потери памяти Вы пытались вспомнить что-то конкретное? Какие-то события или моменты?

— Да, — я сглотнула. — Вчера мама рассказала мне, что я сбежала из дома. Что оставила записку. Но я не помню ни подготовки к этому, ни самого момента ухода. И я очень хочу вспомнить, что со мной было всё это время до больницы.

Доктор Райс откинулась на спинку кресла, внимательно

глядя на меня.

— Айла, потеря памяти после травматического события — это не редкость. Наш мозг иногда блокирует воспоминания, которые слишком болезненны. Страх перед капающей водой тоже может быть связан с каким-то эпизодом, который пока остаётся за пределами сознания.

— Но можно ли это исправить? — спросила мама, в её голосе звучала тревога. — Можно ли помочь ей вспомнить?

— Мы будем работать над этим постепенно, — заверила доктор Райс. — Важно не форсировать процесс. Мы начнём с того, чтобы помочь Айле справиться со страхом. Используем техники релаксации, возможно, попробуем метод постепенного привыкания к звуку капающей воды — но только когда она будет готова. А параллельно будем аккуратно работать с воспоминаниями: через ассоциации, эмоции, детали окружения.

Она повернулась ко мне:

— Айла, важно, чтобы вы чувствовали себя в безопасности во время наших встреч. Если какой-то вопрос покажется слишком тяжёлым или неприятным — сразу говорите, мы сменим тему. Договорились?

— Договорились, — я слабо улыбнулась.

— Отлично. Тогда для начала я предложу вам небольшое упражнение. Закройте глаза и попробуйте представить место, где вы чувствуете себя абсолютно защищённой. Это может быть реальное место или придуманное. Опишите его

нам: что вы видите, слышите, чувствуете?

Закрыв глаза, я неожиданно увидела пристань — не ту, где меня нашли, а другую, полную света и жизни. Она предстала передо мной во всех деталях: деревянные скамейки, выкрашенные когда-то в голубой, теперь выгоревшие на солнце; чайки, кружащие над головой; солёный воздух, наполняющий лёгкие.

— Я вижу море, — прошептала я едва слышно. — Оно такое синее, такое спокойное Я слышу крики чаек, чувствую, как волны накатывают на берег и отступают, оставляя пену. Солнце греет лицо, а под ногами — мягкий, тёплый песок

Странно, но страх перед морем больше не сжимал сердце. Ещё недавно я боялась даже думать о нём, а теперь Видимо, то воспоминание с Кайрасом, когда мы сидели на берегу и смотрели на него, что-то во мне изменило.

— Очень хорошо, — голос доктора Райс звучал мягко и уверенно. — Держите этот образ в голове. Если почувствуете тревогу, мысленно возвращайтесь сюда. Это будет ваше безопасное место.

Открыв глаза, я заметила, что дыхание стало ровнее, а руки больше не дрожали.

— На сегодня достаточно, — улыбнулась доктор Райс. — Айла, вы отлично справились. В следующий раз мы продолжим работу с этим образом и начнём потихоньку приближаться к тем воспоминаниям, которые пока скрыты. А пока попробуйте каждый день хотя бы пять минут проводить в

своём безопасном месте — мысленно, конечно. И если страх капающей воды даст о себе знать, сразу используйте этот приём.

Мы попрощались и вышли из кабинета. На улице мама обняла меня за плечи.

— Ну что, как ты? — спросила она.

— Странно, — я улыбнулась. — Но не так страшно, как я думала. Кажется, я готова попробовать.

Мама сжала мою руку.

— Я рядом. Всегда.

И в тот момент я действительно в это поверила.

Понедельник выдался хмурым — небо затянули серые тучи, а ветер гнал по асфальту сухие листья. Я шла в школу, кутаясь в куртку, и мысленно прокручивала вчерашний разговор с психологом. Образ морского берега уже не казался чем-то далёким — я почти чувствовала тепло песка под ногами и слышала крики чаек.

На уроке физкультуры настроение немного поднялось: мы вышли на улицу, на спортплощадку, залитую осенним солнцем. Учитель объявил, что будем играть в вышибалы. Класс оживился, все начали разбиваться на команды.

Я встала в ряд с остальными, стараясь не привлекать внимания. Но, видимо, это только подстегнуло некоторых. Почти сразу я заметила, что две девочки — Эмили и Хлои — явно выбрали меня своей мишенью. Они переглянулись, улыбнулись и начали перебрасывать мяч так, чтобы он летел

прямо в мою сторону.

Сначала я уворачивалась — то приседала, то отпрыгивала в сторону. Но они не сдавались: их броски становились всё точнее, всё жёстче.

— Айла, лови! — крикнула Эмили с фальшивой улыбкой и швырнула мяч изо всех сил.

Я отпрянула, но поняла, что на этот раз увернуться не успею. В тот самый момент, когда мяч уже почти коснулся моей груди, рядом мелькнула тень — Кайрас шагнул вперёд и загородил меня собой. Мяч глухо ударил его в спину.

Я зажмурилась, испуганно втянув воздух. Сердце заколотилось так сильно, что, казалось, его стук слышен всем вокруг. Но вместо боли или удара я вдруг почувствовала крепкие руки на своих плечах — тёплые, надёжные.

Медленно открыв глаза, я подняла голову и встретилась взглядом с Кайрасом. Его голубые глаза смотрели прямо на меня — серьёзно, но без тени насмешки. В них читалась решимость и забота.

— Ты в порядке? — тихо спросил он, слегка сжав мои плечи.

— Д-да, — выдохнула я, чувствуя, как дрожь понемногу отпускает. — Спасибо.

Кайрас кивнул и обернулся к Эмили и Хлои. Его голос прозвучал неожиданно твёрдо:

— Вы что, не видите, что играете нечестно? Если хотите соревноваться — давайте по правилам. Или вы только про-

тив тех, кто слабее, умеете?

Эмили покраснела и открыла рот, чтобы огрызнуться, но Хлои дёрнула её за рукав и прошипела:

— Да ладно, Кайрас, чего ты? Мы просто играли.

Голос Хлои показался мне знакомым. Да, точно — это были те самые девушки, которые говорили про меня и Кайраса в туалете пару дней назад. Я вспомнила их перешёптывания, ехидные смешки и почувствовала, как внутри поднимается волна злости. Меня охватила горькая несправедливость: они всерьёз считают, что я выдумала свою амнезию?

— Играли? — Кайрас приподнял бровь, его голос стал холоднее. — Если вы хотите отыгаться на ком-то, отыгрывайтесь на мне.

Девушки замолчали, переглянулись. Когда Кайрас снова повернулся ко мне, Хлои подала голос — на этот раз громче, с язвительной ноткой:

— Неужели ты не видишь, что она притворяется? — она кивнула на меня головой. — Это же смешно, Кайрас! Раньше ты ей был не нужен, а когда стал с нами проводить время, вдруг выдумала эту историю — она едко усмехнулась, и я заметила, как её задел тот факт, что Кайрас защитил меня. В её глазах мелькнула ревность, смешанная с досадой.

Я невольно сжала кулаки, чувствуя, как кровь приливает к щекам. Но прежде чем я успела что-то сказать, Кайрас резко развернулся к ней. Его лицо стало жёстким, маска «хорошего мальчика» дала трещину — теперь передо мной был со-

всем другой человек.

— Что ты сказала? — прошипел он, делая шаг к Хлои. — Не смей говорить так об Айле. Ты не знаешь, через что она прошла. И не тебе судить, притворяется она или нет.

В воздухе повисло напряжение. Остальные ребята перестали играть и с любопытством наблюдали за происходящим. Эмили нервно переминалась с ноги на ногу, явно желая оказаться где-нибудь в другом месте.

— Кайрас, да что с тобой? — вскинулась Хлои, отступая на шаг. — Ты раньше никогда так не реагировал! Она же просто

— Просто что? — перебил её Кайрас. Его голос звучал низко и твёрдо, совсем не так, как обычно. — Просто что, Хлои? Не такая, как вы хотите? Не вписывается в вашу картинку?

Эмили попыталась сгладить ситуацию:

— Да ладно вам, ребята, давайте просто продолжим играть

— Нет, — отрезал Кайрас, не отрывая взгляда от Хлои. — Теперь я хочу услышать: почему вы решили, что имеете право так обращаться с Айлой? Почему выбрали её мишенью? И почему считаете, что можете решать, что она чувствует и чего не чувствует?

Хлои закусила губу, на мгновение потеряв уверенность. Но быстро взяла себя в руки:

— Потому что это очевидно! — она повысила голос, ста-

раясь звучать убедительно. — Она вдруг стала «бедной потерянной девочкой», и все вокруг бегает вокруг неё на цыпочках. А раньше была такой же, как все! Может, даже жёстче.

Я почувствовала, как внутри всё сжалось. В чём-то она была права: до больницы я действительно вела себя иначе. Но это не давало им права так со мной обращаться.

— И что с того? — мой голос прозвучал неожиданно твёрдо. Все обернулись ко мне. — Даже если бы я притворялась — какое это имеет значение? Разве это даёт вам право травить кого-то?

Хлои на мгновение растерялась, но тут же нашлась:

— Ты просто хочешь внимания!

— А ты хочешь, чтобы Кайрас был только твоим, — ответила я, глядя ей прямо в глаза. — И поэтому злишься, что он не поддерживает твои игры.

В толпе ребят пробежал шёпот. Кто-то удивлённо охнул. Хлои побледнела, потом покраснела.

— Да как ты смеешь...

— Я смею, — я сделала шаг вперёд. — Потому что устала от этого. От того, что вы решаете, кто я такая. От того, что пытаетесь заставить меня чувствовать себя виноватой за то, что со мной случилось. И от того, что делаете вид, будто знаете правду лучше меня.

Кайрас положил руку мне на плечо — не чтобы остановить, а чтобы поддержать.

— Айла права, — сказал он. — Вы не знаете всей истории.

И не пытаетесь узнать. Вы просто решили, что можете судить и наказывать. Но это не так.

— Ребята, — раздался голос учителя физкультуры, мистера Дэвиса. Он подошёл незаметно и теперь стоял, скрестив руки на груди. — Что здесь происходит?

— Они целенаправленно бьют мячом в Айлу, — прямо сказал Кайрас. — И говорят, что она притворяется из-за амнезии.

Мистер Дэвис посмотрел сначала на Эмили и Хлои, потом на нас.

— Так, — он сделал паузу. — Эмили, Хлои, вы нарушили правила игры и допустили неуважительные высказывания. Это недопустимо. Отправляйтесь в раздевалку, остальную часть урока проведёте там.

— Но — начала было Эмили.

— Без «но». Правила одни для всех. А вы, — он повернулся к классу, — запомните: спорт — это про уважение и командный дух. Травля — это не игра.

Эмили и Хлои, опустив головы, поплелись к зданию школы. Остальные ребята переглянулись, кто-то смущённо улыбнулся, кто-то кивнул, будто соглашаясь с учителем.

— Продолжаем игру, — мистер Дэвис хлопнул в ладоши. — Разбиваемся на команды поровну. Кайрас, Айла, помогите организовать.

Когда учитель отошёл, Кайрас повернулся ко мне: — Ну что, готова показать им, как надо играть?

Я улыбнулась — впервые за долгое время по настоящему искренне: — Более чем.

Мы начали новую игру. На этот раз команды были сбалансированы, броски — честными, а атмосфера — по настоящему спортивной. Я ловила мяч, передавала его, смеялась над шутками. И чувствовала, что что-то изменилось — не только в игре, но и в отношении ко мне.

Глава 8. Шорох в тени.

Наше время.

Прошла ровно неделя с того дня на уроке физкультуры. После того как Кайрас заступился за меня, Эмили и Хлои больше не цеплялись открыто — но их злобные взгляды, бросаемые исподтишка в коридорах, говорили сами за себя. Иногда я ловила на себе их перешёптывания, но теперь это не так задевало: внутри появилось что-то новое — не просто страх или растерянность, а тихая уверенность.

Что касается моих отношений с Кайрасом Я всё чаще ловила себя на мысли, что чувствую между нами особую связь. Было ли дело в нашей дружбе, которая существовала до амнезии? Или в том, что за последние дни мы словно стали ближе? Я не знала ответа. Но одно было ясно: я могу доверять ему. Его поддержка оказалась не просто жестом вежливости — она была настоящей.

В последнее время я почти не общалась с Zero. Погрузившись в учёбу, я старалась вспомнить основы предметов, чтобы благополучно закончить школу. Каждый день был наполнен попытками собрать воедино обрывки знаний, восстановить логику формул, последовательность исторических со-

бытий. Это напоминало сборку пазла, где половина деталей потеряна, а остальные будто перевернуты лицевой стороной вниз.

Второй визит к доктору Райс оказался куда более болезненным, чем первый. Я лежала на кушетке в её уютном кабинете, смотрела на абстрактную картину на стене — мягкие голубые и зелёные мазки, напоминающие волны, — и пыталась сосредоточиться на дыхании.

— Айла, — голос доктора звучал мягко, но настойчиво, — попробуйте вернуться в то место, которое вы описали в прошлый раз. Ваше безопасное место у моря. Представьте его как можно чётче: запах соли, шум волн, тепло солнца на коже.

Я закрыла глаза и послушно представила берег. Песок под ногами, крики чаек, лёгкий бриз, шевелящий волосы. Дыхание стало ровнее.

— Хорошо, — продолжила доктор Райс. — А теперь, когда вы чувствуете себя в безопасности, попробуйте сделать шаг в сторону. Не к чему-то конкретному, а просто в сторону воспоминаний. Что приходит первым?

Я замерла. В сознании вдруг вспыхнул образ: тёмная комната, слабый свет от лампы, падающий на край кровати слишком жесткой, чтобы её так назвать, а ещё железные прутья, словно я была в клетке. Я сижу, подтянув колени к груди, и смотрю в окно. За ним — ночь, дождь, капли стекают по стеклу, оставляя блестящие дорожки.

Звук. Капающая вода.

Капля за каплей. Кап кап кап

Сердце забилося чаще. Ладони вспотели. Я невольно сжала край пледа, которым была укрыта.

— Я слышу — мой голос дрогнул. — Капающую воду. Где-то рядом.

— Где именно? — спокойно уточнила доктор Райс. — Можете описать место?

— Тёмно — я говорила медленно, словно пробираясь сквозь туман. — Очень темно. Только свет от едва освещаемой лампы. А звук он идёт откуда-то спереди. Может, из ванной? Будто кран не закрыт до конца.

— Что вы чувствуете в этот момент?

— Страх, — выдохнула я. — Но не из-за звука. Он просто усиливает что-то. Будто напоминает о чём-то плохом. Я не могу разобрать, о чём именно, но внутри всё сжимается. Хочется убежать. Но я не двигаюсь. Просто сижу и слушаю. Кап кап кап

Доктор Райс сделала короткую запись в блокноте.

— Айла, вы отлично справляетесь. Теперь давайте вернёмся к морю. Сделайте глубокий вдох и представьте, что вы снова на берегу. Соль на губах, ветер в волосах, солнце греет лицо.

Я послушно «вернулась» к морю. Дыхание постепенно выравнилось.

— Это было тяжело, — призналась я, открывая глаза.

— Но важно, — мягко добавила доктор Райс. — Вы сделали большой шаг. Мы нашли точку отсчёта — тот момент, когда страх перед звуком капающей воды становится частью чего-то большего. В следующий раз мы попробуем продвигаться чуть дальше, но только если вы будете готовы.

Я кивнула. В груди всё ещё дрожало, но вместе с тревогой появилось и что-то ещё — слабое, но отчётливое ощущение: я приближаюсь к разгадке. К тому, что произошло до больницы. К тому, что я забыла.

Сегодня я задержалась в школе на дополнительных занятиях, и когда наконец вышла на улицу, сумерки уже начали сгущаться, мягко размывая очертания домов и деревьев. Воздух оказался на удивление тёплым для осени, а лёгкий ветер едва шевелил опавшие листья, перекатывая их по асфальту с тихим шорохом. Я решила не спешить и пройти пешком — после насыщенного дня хотелось хоть немного проветрить голову и побыть наедине со своими мыслями.

Поначалу всё казалось совершенно обычным: мимо проходили люди, кто-то разговаривал по телефону, где-то вдали глухо гудели машины, а под ногами мягко шуршала листва. Город жил своей привычной жизнью, и в этом не было ничего тревожного. Но чем дальше я шла, тем отчётливее ощущала странное, нарастающее чувство — будто за мной наблюдают.

Я несколько раз оборачивалась, стараясь незаметно взглянуть в лица прохожих, в отражения витрин, в тени между

деревьями, но каждый раз не находила ничего подозрительного. Люди были заняты своими делами, никто не обращал на меня внимания. И всё же ощущение не исчезало. Напротив — оно медленно усиливалось, будто кто-то терпеливо ждал, пока я это замечу.

По коже пробежали мурашки, а вдоль позвоночника разлился неприятный холод. Сердце стало биться быстрее, дыхание сбилось, и я невольно ускорила шаг, стараясь убедить себя, что это всего лишь игра воображения.

Именно в этот момент телефон в кармане резко завибрировал, заставив меня вздрогнуть. Я остановилась и достала его дрожащими пальцами. На экране высветился незнакомый номер.

— Алло? — тихо произнесла я, чувствуя, как голос предательски срывается.

В ответ — тишина.

Я уже собиралась сбросить вызов, решив, что это ошибка или чей-то розыгрыш, когда вдруг услышала звук, от которого внутри всё мгновенно сжалось.

Кап.

Кап.

Кап.

Тот самый звук.

Моё тело напряглось так резко, будто его пронзил электрический разряд. Пальцы сжались вокруг телефона, дыхание перехватило.

А затем раздался смех — тихий, почти шепчущий, но в нём отчётливо чувствовалась угроза. От этого звука хотелось сжаться, исчезнуть, раствориться в воздухе.

— Кто это?.. — едва слышно выдохнула я.

— Айла — протянул голос на другом конце линии, слишком спокойно, почти ласково, и от этого становилось только страшнее. — Ты так быстро забываешь.

Холод медленно скользнул по коже, словно чьи-то невидимые пальцы провели по спине.

— Давненько мы не виделись, — продолжил он, и в его голосе прозвучала странная, пугающая насмешка. — Я даже скучал. А ты забыла наши игры? Как печально...

Я резко обернулась, снова пытаюсь выхватить взглядом что-то необычное в толпе. Люди проходили мимо, смеялись, разговаривали, кто-то держал телефон у уха. Всё выглядело слишком обычным — и от этого ещё более нереальным.

Кто из них?

— Что тебе нужно? — спросила я, заставляя себя говорить твёрже, хотя внутри всё дрожало.

— То же, что и раньше, — спокойно ответил он. — Но сначала вспомни.

Во мне вспыхнула злость, резкая и почти спасительная, на мгновение заглушив страх.

— Где Лин? — выпалила я.

На том конце повисла короткая пауза, а затем раздался тихий смешок.

— Она — медленно произнёс он, будто смакуя каждое слово. — Плавает. Пока.

Меня передёрнуло, будто от холода.

— И ещё, Айла, — добавил он уже почти шёпотом, — Всё, что ты сделаешь я узнаю. Всё, что скажешь — тоже.

Сердце глухо ударило в груди.

— Поэтому давай договоримся, — продолжил он мягко. — Ты молчишь. А я не трогаю тех, кто тебе дорог.

Он сделал паузу, словно давая словам осесть.

— Например, Кайраса.

Воздух застрял в горле, и на секунду мне показалось, что я просто не смогу вдохнуть.

— Если ты хоть пальцем его тронешь — начала я, но он тут же перебил, почти ласково:

— Тише. Не злись. Мне это даже нравится.

Снова тот звук.

Кап.

Кап.

Кап.

— Начиная вспоминать, Айла, — сказал он напоследок. — Время уже идёт.

Связь оборвалась.

Я осталась стоять посреди улицы, крепко сжимая телефон, словно он мог удержать меня в реальности. Всё вокруг вдруг стало странно размытым, будто я оказалась под водой: звуки приглушились, движения людей замедлились, а мир

перестал казаться настоящим.

Я снова огляделась — теперь уже внимательнее, пытаюсь зацепиться за любую деталь. Мужчина у киоска, говорящий по телефону. Девушка в капюшоне, скрывающем лицо. Пара подростков у остановки, смеющихся над чем-то своим.

Кто из них?

Или он вообще не здесь?

Домой я почти бежала, не разбирая дороги. Каждый шорох заставлял вздрагивать, каждая тень казалась угрозой. Его слова эхом звучали в голове, не давая сосредоточиться ни на чём другом.

«Начинай вспоминать».

Что именно? Что я сделала? И что случилось с Лин?

Захлопнув дверь своей комнаты, я прислонилась к ней спиной и закрыла глаза. Руки всё ещё дрожали, дыхание сбивалось.

Нужно было кому-то рассказать.

Кайрасу. Маме. Доктору.

Но если он не врёт если он действительно следит

Я крепче зажмурилась.

Если я скажу — Кайрас окажется в опасности. Если промолчу — я остаюсь одна.

Телефон снова завибрировал, вырывая меня из мыслей.

Кайрас: Как прошли дополнительные?

Я уставилась на экран, чувствуя, как внутри что-то болезненно сжимается. Он был нужен мне прямо сейчас — как

воздух, как опора, как единственный человек, которому я могла бы довериться.

Но я не могла.

Айла: Отлично.

Кайрас: Всё в порядке?

«Нет», — пронеслось в голове.

Но пальцы уже печатали другое:

Айла: Да, просто устала.

Ответ пришёл не сразу, и эти несколько секунд показались вечностью.

Кайрас: Хочешь завтра на пикник? Возьмём бутерброды, горячий шоколад просто посидим.

Сердце на мгновение сбилось с ритма, а затем забилось быстрее.

Это было свидание? Или просто дружеское приглашение?

Я перечитала сообщение ещё раз, всматриваясь в каждое слово, словно пытаясь найти в нём скрытый смысл. Но вдруг поняла, что это не так важно.

Это было место, где можно было хоть ненадолго почувствовать себя в безопасности.

Не идеальное. Не вечное. Но настоящее.

Я глубоко вдохнула, позволяя этому ощущению хоть немного вытеснить страх.

Айла: Звучит чудесно. Я согласна.

Кайрас: Тогда в 11 у старого дуба?

Айла: Договорились. Спасибо тебе.

Кайрас: За что?

Я на секунду задержалась, глядя на экран.

Айла: За то, что ты есть.

Ответ пришёл почти сразу.

Кайрас: Всегда рядом.

Я отложила телефон и медленно откинулась на спинку кресла. За окном окончательно стемнело, и город погрузился в мягкий вечерний полумрак. Но внутри меня, несмотря на всё произошедшее, загорелся маленький, упрямый огонёк.

Завтра будет передышка.

А потом потом я начну вспоминать.

Глава 9. Чужое сердце.

Наше время.

Я пришла к старому дубу заранее и какое-то время просто стояла рядом, наблюдая за тем, как медленно меняется свет, пробивающийся сквозь кроны деревьев. Осенний парк казался спокойным и почти убаюкивающим, воздух был прохладным, но не холодным, с лёгким запахом влажной земли и опавших листьев, которые тихо шуршали под ногами случайных прохожих. Мне хотелось остаться в этом ощущении подольше, будто тишина могла помочь собрать мысли и успокоить внутреннее напряжение, которое не отпускало с самого утра.

Я не помнила, как именно проводила время здесь раньше, но место казалось странно знакомым. В этом ощущении не было конкретных воспоминаний, только неясное чувство, будто я уже стояла под этим деревом, уже слушала этот ветер и уже чувствовала то же самое, что и сейчас.

Когда я услышала шаги, я обернулась и увидела Кайраса. Он шёл спокойно, с рюкзаком на плече, и на его лице появилась лёгкая улыбка, когда он заметил меня. В этом взгляде было что-то тёплое и уверенное, словно он действительно

рад меня видеть, словно моё присутствие для него не было случайным или новым.

— Ты пришла раньше, — сказал он, подходя ближе.

Я кивнула, стараясь выглядеть спокойно.

— Просто не хотелось опаздывать.

Он ничего не ответил, только слегка улыбнулся, будто это было чем-то привычным для меня, и начал доставать из рюкзака плед и контейнеры с едой. Его движения были уверенными и спокойными, в них не было ни спешки, ни сомнений, и от этого создавалось ощущение, что он делает это не впервые.

Он расстелил плед под деревом и жестом пригласил меня присесть рядом. Я опустилась на мягкую ткань, чувствуя, как земля под ней слегка пружинит, а ветер касается кожи, принося с собой лёгкий холод.

— Горячий шоколад, — сказал он, протягивая мне термос.

Я взяла его, слегка коснувшись его пальцев, и это короткое прикосновение отозвалось внутри неожиданным теплом, которое сразу же сменилось странным смятением.

— Ты всегда его любила, — добавил он спокойно.

Эта фраза задержалась в голове дольше, чем следовало.

Я не помнила этого.

Но кивнула, принимая слова так, будто они были частью меня.

Я сделала глоток и на мгновение закрыла глаза, позволяя

тёплому вкусу разлиться внутри. Это ощущение было простым и приятным, и в нём было что-то знакомое, но я не могла понять, действительно ли я это помнила или просто пыталась поверить, что помнила.

Мы сидели рядом в тишине, которая не казалась неловой. Напротив, в ней было спокойствие, мягкое и устойчивое, словно между нами уже существовало что-то, что не требовало объяснений.

Кайрас время от времени смотрел на меня, но не слишком долго, будто давал пространство, и в этих взглядах не было давления, только внимательность и осторожность.

— Это место тебе нравится, да? — спросил он спустя некоторое время.

Я задумалась, прежде чем ответить.

— Да нравится.

Он кивнул, словно ожидал именно такого ответа.

— Ты говорила об этом раньше.

Я почувствовала лёгкое напряжение.

— Правда?

— Да, — спокойно ответил он.

Я опустила взгляд на свои руки.

Это слово прозвучало странно близко, но я не могла вспомнить, говорила ли я его когда-то на самом деле. Возможно, это действительно была часть моей жизни, которая просто исчезла вместе с памятью, а возможно, я сейчас просто пыталась принять чужие воспоминания как свои.

Мы поднялись и медленно пошли по тропинке, окружённой деревьями. Листья мягко ложились под ноги, иногда шурша, когда мы наступали на них. Кайрас шёл рядом, иногда немного замедляясь, чтобы идти в одном ритме со мной, и в какой-то момент наши плечи почти соприкоснулись.

Это прикосновение было случайным, но от него внутри возникло странное ощущение тепла, которое одновременно притягивало и пугало.

Он говорил о школе, о людях, о каких-то мелочах, которые для него казались обычными, но для меня звучали как часть жизни, которую я не до конца помнила. Я слушала его, иногда отвечала, иногда просто кивала, стараясь не выдать того, что внутри меня всё ещё оставалось разделённым на «до» и «после».

В какой-то момент он остановился, и я остановилась вместе с ним.

Мы стояли слишком близко, и я чувствовала его присутствие так ясно, будто оно заполняло всё пространство вокруг.

Он посмотрел на меня иначе, чем раньше, чуть внимательнее, чуть серьёзнее, и в этом взгляде появилось что-то, что заставило меня задержать дыхание.

Он медленно протянул руку и коснулся моей ладони.

Это прикосновение было тёплым и спокойным, и от него внутри всё сжалось.

Я не отдёрнула руку, но и не ответила на это движение.

Просто позволила ему быть.

И в этот момент мысль, неожиданная и болезненная, появилась в голове и не отпускала.

Я не имела права на это чувство.

Не потому что оно было неправильным, а потому что оно принадлежало не мне. Оно принадлежало той Айле, которую он знал раньше, той, с которой у него уже была история, воспоминания, моменты, которые я не могла восстановить.

Я смотрела на наши руки и чувствовала, как внутри поднимается тревога, смешанная с теплом, которое было почти чужим.

— Айла, — тихо сказал он.

Я подняла взгляд.

— Ты изменилась, — добавил он спокойно.

Эти слова не звучали как упрёк, но от них стало тяжело.

— В каком смысле? — спросила я.

Он чуть улыбнулся, но в этой улыбке было больше задумчивости, чем радости.

— Ты стала другой. Но это всё ещё ты.

Я отвела взгляд, потому что не знала, как ответить.

Мне хотелось верить ему.

Но внутри оставалось сомнение.

Я не знала, кто я сейчас.

И не знала, кем была раньше.

Мы провели ещё какое-то время вместе, разговаривая о простых вещах, и постепенно напряжение стало слабее. Ря-

дом с ним было спокойно, и это спокойствие казалось настоящим, даже если часть меня продолжала сомневаться в нём и в себе.

Когда пришло время расходиться, солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в мягкие тёплые оттенки.

— До завтра, — сказал он.

Я кивнула.

— До завтра.

Он ушёл, а я осталась стоять под деревом, наблюдая за его удаляющейся фигурой.

И в этот момент внутри снова появилось знакомое чувство.

Как будто где-то далеко, на границе сознания, что-то шевельнулось.

Очень тихо. Почти незаметно.

И всё же достаточно, чтобы я на секунду замерла, пытаюсь понять, было ли это воспоминанием или просто ощущением.

Я так и не поняла.

Но знала одно.

Эта тишина вокруг меня не была пустой.

Утро на следующий день началось с мягкого света, который пробивался сквозь занавески, и тихого ощущения спокойствия, непривычного для меня в последнее время. Я проснулась раньше будильника и некоторое время просто лежала, глядя в потолок, пытаюсь удержать в памяти вчерашний вечер. Старый дуб, тёплый воздух, горячий шоко-

лад в руках и Кайрас рядом, спокойный и живой, будто в этом моменте не существовало ничего лишнего. Но вместе с этим воспоминанием приходило странное ощущение, будто всё это происходило не совсем со мной. Словно я наблюдала со стороны за кем-то, кто выглядит как я, но чувствует иначе. Я закрыла глаза, пытаюсь поймать это чувство глубже, но оно ускользало, оставляя после себя только размытое тепло и лёгкую тревогу, которая появлялась на границе сознания и исчезала, стоило сосредоточиться на ней.

В какой-то момент в голове снова мелькнуло знакомое ощущение присутствия, будто за пределами моего внимания кто-то есть и наблюдает, не вмешиваясь, просто фиксируя. Это чувство длилось всего секунду и растворилось, но оставило после себя напряжение, от которого стало немного не по себе. Я резко открыла глаза и села, стараясь не заикливаться на этом. Обычные действия помогали удержаться в реальности, поэтому я собралась, привела себя в порядок и вышла из дома, цепляясь за привычный ритм шагов и шум улицы.

Школа встретила меня тем же движением людей, теми же голосами и знакомым гулом, который создавал иллюзию стабильности. Я шла по коридору, всё ещё ощущая внутри остаточное тепло от вчерашнего дня, как будто оно стало частью меня, пусть и временной. И именно в этот момент я почувствовала взгляд, который выделялся на фоне остальных, тяжёлый и настойчивый, словно он принадлежал кому-то, кто

уже ждал моего появления.

Я остановилась и подняла взгляд.

Дрейк стоял в стороне, опираясь плечом о шкафчики, и наблюдал за мной так, будто заранее знал, где и когда я окажусь. Его поза выглядела расслабленной, но внимание в его глазах было сосредоточенным и цепким. Он оттолкнулся от шкафчиков и направился ко мне, не торопясь, но уверенно, сокращая расстояние между нами.

Он остановился в шаге и посмотрел на меня внимательно, задержав взгляд дольше, чем это было необходимо. В этом взгляде не было прежней резкости, но появилось что-то более личное и собранное, словно он пытался понять меня заново.

— Значит, вот как теперь, — произнёс он, остановившись на расстоянии шага.

Я напряглась.

— Что тебе нужно?

Он не ответил сразу. Его взгляд скользнул по мне, задержался на лице, затем чуть сместился в сторону, будто он сравнивал что-то в голове.

— Интересно, — тихо сказал он, — ты правда считаешь, что это нормально?

— Что именно? — я старалась говорить спокойно, хотя внутри снова поднималось раздражение.

Он чуть наклонил голову.

— Делать вид, что ничего не было, — ответил он. —

Как будто можно просто выбрать новую жизнь и забыть всё остальное.

Его голос стал ниже, в нём появилось давление, но уже не открытое, а скорее личное, почти навязчивое.

— И выбрать его, — добавил он, слегка кивнув в сторону.

Я проследила за его взглядом и в тот же момент заметила Кайраса, который быстро шёл по коридору в нашу сторону.

Он выглядел иначе, чем обычно.

Его дыхание было чуть сбитым, грудь поднималась чаще, чем обычно, а на лбу и у висков тёмные слегка кудрявые волосы прилипли от лёгкой влажности, будто он спешил и не успел привести себя в порядок. Эта деталь неожиданно сделала его образ более живым, менее собранным и более настоящим.

Когда он увидел нас вместе, его взгляд сразу изменился.

Он ускорил шаг и остановился рядом.

— Айла, всё в порядке? — спросил он, не отводя от меня взгляда.

Я кивнула, но не успела ничего сказать.

Кайрас перевёл взгляд на Дрейка.

И в этот момент атмосфера резко изменилась.

— Опять ты, — холодно произнёс он.

Дрейк усмехнулся, но его взгляд стал внимательнее.

— А ты, как всегда, вовремя, — ответил он спокойно.

Между ними повисло напряжение, почти ощутимое физически. Кайрас стоял ближе ко мне, немного закрывая со-

бой, и его поза стала более собранной, плечи напряглись.

— Я же сказал тебе держаться подальше, — тихо произнёс Кайрас.

— Ты много чего говоришь, — лениво отозвался Дрейк.
— Но это не значит, что кто-то обязан слушать.

Он сделал шаг вперёд.

И в следующий момент всё произошло резко.

Кайрас схватил его за ворот одежды и одним движением прижал к ближайшим шкафчикам. Удар был глухим, металлическим, от которого рядом стоящие ученики на секунду замолчали и обернулись.

— Ещё раз приблизишься к ней, — тихо, но жёстко сказал Кайрас, не отпуская его, — и мы поговорим по-другому.

Дрейк на мгновение перестал улыбаться.

Но почти сразу его губы снова тронула усмешка, хоть и более напряжённая.

— Так вот оно что, — произнёс он негромко. — Теперь понятно.

Он посмотрел на Кайраса, а затем перевёл взгляд в мою сторону.

— Уже защищаешь, — добавил он. — Быстро же ты занял место.

Кайрас сжал его ворот сильнее.

— Не испытывай меня.

Дрейк не отводил взгляда.

— Спокойнее, — сказал он, всё ещё удерживая эту стран-

ную, почти равнодушную уверенность. — Я просто наблюдаю.

Кайрас несколько секунд держал его прижатым, затем резко отпустил, отступив на шаг, но не расслабляясь.

Дрейк выпрямился, поправил ворот и медленно провёл рукой по ткани, словно ничего серьёзного не произошло.

Перед тем как уйти, он снова посмотрел на меня.

Но теперь в его взгляде было что-то другое. Не только раздражение.

И не просто интерес. Скорее личное.

— Ты правда изменилась, Айла, — тихо сказал он, после чего развернулся и пошёл по коридору, растворяясь в потоке учеников.

Я осталась стоять между ними, чувствуя, как напряжение медленно отпускает, но не исчезает полностью.

Кайрас сделал шаг ко мне.

— Он тебя не трогал? — спросил он уже мягче.

Я покачала головой.

— Нет.

Он выдохнул, и его плечи немного расслабились.

Но в его взгляде всё ещё оставалось напряжение, будто он не до конца поверил.

Я посмотрела на него.

Тёмные волосы, слегка растрёпанные, всё ещё чуть влажные. Быстрое дыхание, выдающее, что он действительно спешил. И этот взгляд, в котором было больше, чем просто

дружба.

И от этого внутри снова возникло то самое чувство.

Слишком много.

Слишком близко.

И одновременно — слишком чужое, чтобы я могла быть уверена, что имею на это право.

Глава 10. То, что осталось недосказанным.

4 месяца назад.

Море было спокойным, и эта спокойность казалась почти нарочитой на фоне того, что происходило внутри меня. Волны мягко накатывали на берег, оставляя влажные следы на песке, которые быстро исчезали, будто их никогда и не было. Воздух был тёплым, насыщенным запахом соли и ветра, и этот запах всегда странно успокаивал, даже если мысли внутри не собирались замолкать.

Я сидела на песке, подтянув колени к груди, и смотрела на горизонт, где небо и вода сливались в одну линию. Рядом лежала моя сумка, чуть приоткрытая, из которой выглядывало полотенце. Я почти не двигалась, позволяя тишине во круг заполнять пространство, в котором обычно было слишком много мыслей.

Шаги за спиной я слышала раньше, чем увидела его.
Кайрас.

Я не обернулась сразу, потому что уже знала, кто это. Он остановился рядом, затем сел на песок чуть позади и сбоку от меня. Его присутствие ощущалось мягко, но в этот раз в

нём было что-то напряжённое, словно он пришёл не просто так.

— Ты опять здесь, — сказал он спокойно, но в голосе не было привычной лёгкости.

Я слегка улыбнулась.

— А ты опять меня находишь.

Он не ответил сразу. Несколько секунд мы просто сидели рядом, слушая море. Но это молчание не было таким же, как раньше. В нём чувствовалось ожидание.

— Ты встречаешься с ним, да? — спросил он вдруг.

Я медленно повернула голову и посмотрела на него.

— Да, — ответила я спокойно.

Кайрас кивнул, но его взгляд стал более собранным.

— Я не понимаю, — сказал он тише. — Как ты можешь быть с ним.

Я нахмурилась.

— С кем именно «с ним»?

Он посмотрел прямо на меня.

— С Дрейком.

Имя прозвучало ровно, но в нём чувствовалась сталь, которое сразу изменило атмосферу.

— И что в этом такого? — спросила я.

Кайрас резко выдохнул, словно сдерживал раздражение.

— Ты правда этого не видишь? — сказал он. — Он не тот человек, рядом с которым тебе должно быть спокойно.

Я почувствовала, как внутри поднимается ответное раз-

дражение.

— А ты теперь решаешь, с кем мне должно быть спокойнее? — резко ответила я. — Серьёзно, Кайрас?

Он напрягся.

— Я просто говорю, что знаю его лучше, чем ты думаешь.

— И поэтому считаешь, что можешь мне указывать? — я уже не скрывала эмоции.

Он провёл рукой по волосам, отвёл взгляд к морю, затем снова посмотрел на меня.

— Я не указываю, — сказал он тише. — Я просто не понимаю, почему ты выбрала именно его.

Я усмехнулась, но в этой усмешке не было веселья.

— А кого мне выбирать? — спросила я с лёгкой насмешкой. — Тебя, что ли?

Секунда.

И всё изменилось.

Его взгляд стал жёстче, глубже, напряжённее, чем раньше. Как будто мои слова попали туда, куда не должны были.

— Не говори так, — тихо, но резко сказал он.

Я замерла.

— Почему? — спросила я уже тише.

Он не отвёл взгляда.

— Потому что это не шутка.

Между нами повисло тяжёлое молчание.

Я чувствовала, как сердце начинает биться быстрее, хотя сама не понимала, почему именно сейчас.

Кайрас слегка наклонился вперёд, сокращая расстояние между нами. Его взгляд опустился на мои губы, затем снова вернулся к глазам.

Я поняла, что он сейчас сделает.

И не остановила его.

Его поцелуй начался осторожно, почти сдержанно, но в нём сразу чувствовались чувства, которое он долго удерживал внутри. Это было не спонтанное движение, а скорее момент, к которому он шёл слишком долго.

Я замерла.

Несколько секунд всё вокруг исчезло, оставив только ощущение его близости и тепла, которое было слишком знакомым и одновременно чужим.

Но почти сразу что-то внутри меня сломало это состояние.

Я резко отстранилась и оттолкнула его рукой в грудь, чуть сильнее, чем собиралась.

— Нет, — сказала я жёстко, глядя на него. — Ты что делаешь?

Он не сразу ответил. Его взгляд оставался на мне, и в нём больше не было прежней сдержанности.

— То, что должен был сделать давно, — тихо произнёс он.

Я покачала головой.

— Мы друзья, Кайрас.

Слова прозвучали твёрдо, почти как граница, которую я только что провела.

Он усмехнулся, но в этой усмешке не было радости.

— Друзья? — переспросил он тихо. — Мы никогда ими не были.

Я замерла.

— О чём ты?

Он посмотрел на меня прямо, и в его взгляде больше не осталось попыток скрыться за привычной мягкостью.

— Ты знаешь, о чём, — сказал он.

И я знала.

Слова, которые он собирался произнести, уже были в воздухе между нами. Я чувствовала их ещё до того, как он начал говорить.

Я резко подняла руку.

— Не продолжай, — перебила я его жёстко.

Он замолчал.

Я смотрела на него, и в моём голосе появилась та граница, которую нельзя было пересечь.

— Не смей продолжать, — сказала я тише, но твёрдо. — Иначе нашей дружбе придёт конец.

Секунда тишины повисла между нами.

Кайрас смотрел на меня долго, внимательно, словно пытался понять, действительно ли я это говорю всерьёз.

Потом медленно отвёл взгляд.

И в этом движении было больше, чем просто согласие.

Больше, чем отказ.

И больше, чем то, что осталось недосказанным между на-

ми.

Первые дни после того вечера прошли слишком тихо, и со временем эта тишина стала почти осязаемой частью моей повседневности, в которой я всё чаще ловила себя на попытках убедить себя, что ничего не изменилось и что поцелуй на берегу моря был всего лишь случайной вспышкой эмоций, не имеющей продолжения и не требующей объяснений, поэтому я снова и снова возвращалась к привычному ритму общения с Дрейком, к его сообщениям, к его голосу рядом и к тому спокойствию, которое он создавал своим присутствием, словно именно так и должна была выглядеть моя жизнь, выстроенная и понятная.

Однако внутри всё равно оставалось ощущение смещения, будто что-то важное вышло из равновесия и больше не вернулось на прежнее место, и это чувство не исчезало, даже когда день был заполнен делами и разговоры вокруг казались достаточно громкими, чтобы заглушить любые мысли.

Кайрас больше не писал.

Сначала это можно было списать на случайность, на занятость или на что-то незначительное, но с каждым днём его отсутствие становилось всё более отчётливым и приобрело форму молчания, которое я начала замечать не только сознательно, но и на уровне привычки, потому что он не появлялся там, где обычно находился, не искал повода заговорить и не давал ни одного сигнала, будто сам решил выйти из мое-

го поля зрения и оставить за собой дистанцию, которую я не могла игнорировать.

Я пыталась не возвращаться к мыслям о нём, но они возникали снова и снова, особенно в те моменты, когда вокруг становилось тихо и ничто не отвлекало, и именно тогда память возвращала мне его взгляд на берегу моря, слишком живой и слишком ясный, чтобы его можно было стереть или заменить чем-то другим.

И от этого становилось сложнее делать вид, что всё осталось прежним.

Однажды вечером Дрейк написал и предложил встретиться, и я согласилась почти автоматически, не задавая вопросов и не пытаясь анализировать причину, потому что это казалось привычным и простым решением, которое не требовало внутреннего сопротивления.

Дом, в который мы пришли, был наполнен людьми, головами и музыкой, которая звучала на фоне постоянного движения, создавая ощущение общего шума, в котором отдельные разговоры теряли чёткость и сливались в единое пространство.

Я шла рядом с Дрейком, чувствуя его руку на своей спине, и это прикосновение оставалось спокойным и уверенным, будто он точно знал, куда ведёт и что именно должно происходить дальше, и это ощущение предсказуемости одновременно успокаивало и заставляло держаться немного настороженно.

Он наклонился ко мне, когда мы вошли глубже в комнату, и его голос прозвучал рядом тихо и уверенно, с той интонацией, которая всегда казалась естественной.

— Ты сегодня слишком задумчивая.

Я посмотрела на него и ответила ровно, стараясь не выдать лишнего.

— Здесь слишком много людей.

Он слегка улыбнулся, будто не поверил до конца, но не стал настаивать, только задержал на мне взгляд на мгновение дольше обычного, после чего мы прошли дальше.

Я увидела Кайраса почти сразу.

Он стоял у стены, держа стакан в руке, и рядом с ним находились Хлоя и Эмили, которые что-то говорили ему, активно вовлекая в разговор, при этом Хлоя улыбалась и время от времени сокращала дистанцию, словно проверяя его реакцию, а он слушал их спокойно и отвечал с той же ровной интонацией, которая не выдавала ни раздражения, ни интереса, ни внутреннего напряжения.

Я остановилась на долю секунды, и в этот момент он почувствовал мой взгляд.

Наши взгляды пересеклись, и это было короткое, но чёткое столкновение, в котором его выражение лица на мгновение изменилось, словно внутри него что-то откликнулось на моё присутствие, однако почти сразу он сделал то, чего я не ожидала, он не отвёл взгляд резко и не попытался скрыться, он просто плавно переключился обратно на Хлою и продол-

жил разговор так, будто эта секунда ничего не значила.

И именно это ощущение оказалось самым странным, потому что в его поведении не было демонстративного игнорирования, в нём было осознанное удержание дистанции, которое выглядело как решение, принятое заранее.

Я почувствовала, как внутри что-то неприятно сжалось, но заставила себя отвернуться и сосредоточиться на происходящем рядом.

Дрейк заметил мою реакцию, хотя ничего не сказал сразу, только тихо спросил спустя несколько секунд.

— Всё в порядке?

Я ответила слишком быстро, стараясь не зацепиться за эту тему.

— Да, просто шумно.

Он кивнул, но в его взгляде появилась лёгкая внимательность, которую он не пытался скрыть.

Вскоре кто-то предложил игру, и атмосфера в комнате изменилась, стала более живой и свободной, потому что люди начали собираться в круг, смеяться и обсуждать правила, создавая ощущение общего участия, в котором каждый становился частью происходящего.

Бутылочка закрутилась, и внимание сместилось на участников, включая меня, когда игра постепенно втянула меня внутрь круга, не оставляя возможности остаться в стороне.

Когда бутылка остановилась на мне и Дрейке, вокруг раздались голоса и комментарии, сопровождаемые улыбками и

шутками, и кто-то явно ожидал этого момента.

Дрейк посмотрел на меня спокойно и чуть наклонился вперёд.

— Пойдём.

Я кивнула, и он приблизился, после чего поцелуй начался уверенно и без сомнений, как часть привычной динамики между нами, а его рука легла на мою талию и слегка сжала, удерживая меня ближе, создавая ощущение контроля и устойчивости.

В этот момент я снова почувствовала взгляд, который невозможно было не заметить, даже не оборачиваясь, потому что он не был резким или навязчивым, он был ровным и сосредоточенным, словно кто-то наблюдает, не позволяя себе выдать ни одной лишней эмоции.

Кайрас смотрел.

Когда поцелуй закончился, вокруг снова раздались комментарии и смех, и Дрейк чуть усмехнулся рядом, будто всё происходящее было для него частью игры, в которой он чувствует себя уверенно.

Я же не могла полностью отвлечься, потому что ощущение взгляда не исчезало и продолжало оставаться где-то на границе внимания.

Я снова посмотрела в сторону Кайраса и увидела, что он стоит на том же месте, всё ещё рядом с Хлоей и Эмили, которые продолжали говорить с ним, при этом Хлоя двигалась ближе, чем это было необходимо для обычного разговора, и

её поведение выглядело намеренно лёгким и уверенным.

Она улыбнулась и сказала что-то, что вызвало у него короткий ответ без эмоций.

— Кайрас, ты вообще собираешься участвовать или просто наблюдаешь?

Он посмотрел на неё спокойно и ответил ровно.

— Я участвую.

Его голос не содержал ни раздражения, ни заинтересованности, и эта нейтральность выглядела как чётко выдержанная позиция, которую он не собирался нарушать.

Хлоя прищурилась и шагнула ближе, сокращая дистанцию ещё сильнее.

— Тогда докажи.

Я заметила, как его тело на долю секунды напряглось, но он не отступил и не посмотрел в мою сторону, оставаясь на месте и принимая ситуацию так, будто она полностью под контролем.

И в этом было больше, чем просто спокойствие, это выглядело как выбор, который он сделал заранее и от которого не собирался отказываться.

Дрейк тихо усмехнулся рядом.

— Он быстро нашёл себе компанию.

Я посмотрела на него.

— Тебе это кажется нормальным?

Он ответил спокойно, не меняя выражения лица.

— Скорее ожидаемым.

Я не стала продолжать разговор.

Когда бутылка закрутилась снова, круг ожил, и внимание участников переключилось на следующие задания, но я уже

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.